

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 29 (1140). Суббота, 7 июля 1945 г. Цена 45 коп.

Президиуму Верховного Совета Чувашской АССР Совету Народных Комиссаров Чувашской АССР Чувашскому обкому ВКП(б)

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) приветствуют рабочих, колхозников и интеллигенцию Чувашской Автономной Советской Социалистической Республики в день ее 25-летия.

На основе советского строя чувашский народ в братском сотрудничестве с другими народами Российской Федерации, при помощи великого русского народа, добился больших успехов в хозяйственном и культурном строительстве. Чувашский народ создал и укрепил свою государственность, вырастил национальные кадры и превратил отсталую в прошлом Чувашию в советскую республику с передовой промышленностью и развитым социалистическим сельским хозяйством. За годы советской власти поднялась культура чувашского народа. В республике работают более тысячи начальных и средних школ, высшие учебные заведения, сотни колхозных клубов, домов культуры, библиотек. За успехи в хозяйственном и культурном строительстве Чувашская Автономная Советская Республика была награждена орденом Ленина.

В годы Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков чувашский народ достойно выполнил свой долг перед Родиной. Сыны Чувашской Республики проявили мужество и отвагу в борьбе с врагом; многие тысячи из них награждены орденами и медалями Советского Союза. Рабочие, крестьяне и интеллигенция Чувашской Республики своим трудом внесли серьезный вклад в дело победы советского народа над гитлеровской Германией.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) уверены в том, что трудящиеся Чувашской Республики будут и впредь непрестанно крепить мощь нашей Советской Родины.

Совет Народных Комиссаров Союза ССР
Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков).

Герои жизни и литературы

На приеме участников парада Победы товарищ Сталин произнес тост: «За доблесть простых, обычных, скромных, за «винтиков», которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела».

Литератор, пытаясь ищущий средства и способы художественного выражения характера и духа нашей эпохи, глубоко задумывается над прозаическими словами товарища Сталина. Они указывают на огромное значение жизненного дела простых и обычных людей нашей страны, на их роль в нашей общественной системе. «...это — люди, которые держат нас, как основание держат вершину». Товарищ Сталин подчеркивает, что «их очень много, мы им не считаем, потому что это десятки миллионов людей».

Советский строй, социалистическая система хозяйства предоставляет миллионам людей все условия для непосредственного и повседневного участия в государственной деятельности. Всеобщее участие масс в управлении государством, во всех отраслях науки, хозяйства, военного дела укрепляет могущество нашей Родины, является источником неперемой силы нашей страны. Поэтому так велико у нас количество государственно мыслящих людей, преданных своему общественному долгу, бескорыстно совершающих подвиг повседневного служения обществу.

Высокое государственное самознание — это новое, воспитанное социализмом качество советских людей — проявляется как в повседневной и ежедневной во множестве больших и малых дел: в труде и в быту наших людей. Качество это своеобразно влияет на весь душевный строй советского человека. Ощущение теснейшей и неразрывной связи личной судьбы, чужой и своей с историческим народным движением стало органичным ощущением советского человека. Новый моральный кодекс человека социализма основан на непреодолимом чужбинстве общественной активности. И потому простые, обыкновенные советские люди участвуют в создании активной нашей великой государственной деятельности.

Нельзя жизненно-правдиво изобразить в художественном произведении характер советского человека и воспроизвести картину нашей жизни, не помня активной роли в ней рядовых людей. В словах товарища Сталина вдумчивый художник найдет ключ к пониманию законов движения нашей жизни, сочетающих силу предвидения, авторской мысли, организаторского таланта выдающихся государственных и общественных деятелей с активностью десятков миллионов простых и скромных советских людей.

А. М. Горький считал существенным, что «молодая литература наша энергично служит делу объединения всего трудового народа в единую культурно-революционную силу», что «молодая литература наша с каждым годом все более могуче и быстро расширяет поле своего зрения. Никогда еще искусство слова не служило так уверенно и так успешно делу познания жизни». А. М. Горький подчеркивал, выступая на I съезде писателей, что «смысл личного бытия — в том, чтобы углубить и расширить смысл бытия миллионов масс трудового человечества», и выдвигал человека труда основным героем новой, социалистической литературы.

Встреча украинских писателей с работниками литературы и искусства Ужгорода

УЖГОРОД. (ТАСС). В Ужгороде состоялась встреча украинских писателей — Юрия Яновского, Юрия Смолина, Петра Панча с работниками литературы и искусства областного центра Закарпатской Украины.

Товарищескую встречу открыл уполномоченный Народной Радой по делам просвещения тов. Керга, который рассказал о

А. Малышкина, «Обыкновенная Арктика» В. Горбатова, «Мужество» В. Беглянской — эти и некоторые другие произведения получили признание читателей, между прочим и потому, что они рассказывали о простых, обыкновенных советских людях, активно участвовавших в исторической борьбе за социализм. Литература военных лет показала судьбу рядовых советских людей в пору тяжелых испытаний. В героях сталинградских озер и рассказов В. Гроссмана, поэмы А. Твардовского «Василий Теркин» нет черт психологической или нравственной исключительности «идеальных героев», наделяющих их надчеловеческими свойствами; наоборот, — их повседневные свойства, так же, как и неограниченный характер, существующий среди окружающих людей. В «Молодой гвардии» А. Фадеева эта общность и простота красноречиво комсомольцев полно охарактеризована, и потому особенно ярко раскрыто огромное богатство душевной жизни этих обыкновенных юношей и девушек, красота их морального облика, величие их патристического дела.

Многочисленные факты истории советской литературы свидетельствуют о плодотворности поисков героев нашей эпохи в среде обыкновенных людей из народных масс. Достаточно напомнить литературу судьбы Павла Корчагина. Даже тогда, когда люди, подобно Давыдову из «Волгатой пелены», ходом жизни выдвигаются в вышние, они остаются носителями типичных свойств миллионов, им не свойственных черты психологической исключительности.

Обыкновенные советские люди — это герои, которых «рождает борьба», живут на страницах многих лучших произведений советской литературы, они олицетворяют в себе типические черты народа, судьбу его. На страницах произведений они живут жизнью, данной им «стальной искусством», а в реальной действительности — в частях Красной Армии, на заводах и в колхозах, в лабораториях и исследовательских институтах — действуют, борются и побеждают живые Корчагины, Басовы, Давыдовы.

В изображении советских людей как деятелей истории выражена существенная черта нашей действительности — советский народ стал не объектом, а субъектом действия, исторической борьбы. Это — подлинная правда жизни, отраженная в литературе. Художник, ищущий этим путем, раскрывает содержание эпохи через переживания и действия многих очень разных по своему оригинальному герою, воспроизводит широкий поток жизни, течение ее, глубокую и возвышающую людей правду их исторической судьбы.

Изображение широкого потока жизни, судьбы рядовых советских людей обязывает писателя быть беспощадно правдивым и чутким. Как озорнолюбивые те произведения, в которых сентиментальное умиление писателя перед рядовым советским человеком снижает, обесцвечивает образ народа; точка зрения социалистического гуманизма в этих случаях уступает место расщепленному буржуазному народолюбию.

Литература наша критика должна серьезно изучить и обобщить опыт изображения народа на войне. Негомненно, изучение этого опыта во многом прояснит характер и направление литературы для нового периода — победы, мирного строительства жизни.

Слова товарища Сталина о значении простых, обычных, скромных советских людей ставят перед литераторами задачу в художественных произведениях могучую активную силу «винтиков» победою исторического нашего дела.

жизни и деятельности закарпатских литераторов и художников. Гости подробно информировали присутствующих о творчестве украинских писателей, художников, композиторов, архитекторов и достижениях украинской культуры. В ближайшие дни в Ужгороде и Мукачеве состоятся литературные вечера украинских писателей.

Саломея НЕРИС Малой Литве

...Поднялась, милая, уже руга взломал.
Белые пелки тебя заносит,
Ты у моря дремлешь дни и годы.
Шестьдесят осок сотни веси,
Но не шестидесяти твои свободы.

Нечем отнять твой сумрак с приданым,
С пелюхами узорными твоими,
С послоним старинным дотканым,
И твою стертю задумаю яма.

Но летает чайка голубая
Над простором Балтики холодной,
Эхо песен наших повторяя,
Отзвук речей гордой и свободной.

Покидают города, деревни
И бегут ветками-душегубы.
Кто их гонит? Бог Перкунас древний?
Гневные Гроивальдские трупы?

Пусть забудут немцы путь широкий,
Древний шлах от Западу к востоку.
Девять братьев едут к нам с Востока.
Выручать литовскую свободу.

Солнце перед ними стелет ткань,
Рвут они цепь немецких путы.
Пробудись, родная, на поляне
Наконец заселена руга!

Возвратная братья нам побережье.
Балтика свободно кати воды.
Занимают леку ветер свобода,
Это ветер моря и свободы!

Перевод С. МАРШАК.

У писателей Чувашии ЧЕБОКСАРЫ. (От наш. корр.). На собрании чувашских писателей, посвященном итогам X пленума правления Союза советских писателей СССР, выступил участник пленума член правления ССП Чувашии поэт Аркадий Эхельд. Докладчик ознакомили собравшихся с работой пленума и охарактеризовал творчество чувашских прозаиков и поэтов за годы Великой Отечественной войны.

Выступление писателей в колхозных клубах
КИЕВ. (От наш. корр.). Бригада украинских писателей в составе Д. Бедзика, С. Воскресенского и Г. Омарова провела несколько творческих вечеров в колхозах Корсун-Шевченковского района на Киевщине и приняла участие в слете передовиков сельского хозяйства района.

Д. Бедзика читал рассказы и очерки, посвященные «Второму Сталинграду» — корунт-шевченковским боям, С. Воскресенский — юмористические стихи из цикла «Иван Рахуба». Критик Г. Омаров выступил с докладом «Украинская литература в дни Великой Отечественной войны».

Филиал Академии наук в Казани

Культурным и научным центром Средней Поволжья и Прикамья издавна был Казанский университет. В годы Отечественной войны в Казань эвакуировались некоторые институты Академии наук СССР, что послужило мощным стимулом для научно-исследовательской работы в столице ТАССР. Потребность в разрешении важных проблем народного хозяйства привлекла в организацию в Казани филиал Академии наук СССР, который объединил пять институтов. Открытие филиала АН совпало с празднованием 25-летия Татарской республики.

ВЫСТАВКА ЗСТОНСКИХ КНИГ

К пятилетию Эстонской ССР Таллинская государственная публичная библиотека ЭССР готовит выставку книг, изданных на эстонском языке за период 1941—1945 годов. Выставка будет состоять из трех разделов. В первом — художественная литература, публицистика и фотопубликации, отражающие героическую борьбу эстонского народа против немецко-фашистских захватчиков на фронте и в партизанских отрядах. Второй и третий разделы покажут успехи мирного строительства 1940—1944 гг. и восстановление народного хозяйства республики в 1944—45 гг.

Памяти писателя-фронтовика Б. Пескова

ВОРОНЕЖ. (От наш. корр.). В г. Липецке состоялся литературный вечер, посвященный памяти погибшего в бою с немецко-фашистскими захватчиками писателя-фронтовика капитана Б. Пескова. Доклад о жизни и творчестве Б. Пескова сделала писательница О. Кротова. С чтением произведений Б. Пескова выступили артисты Липецкого городского театра.

В читальном зале городской библиотеки была организована выставка произведений фронтовых писателей, а также материалов, характеризующих его боевой путь и работу в армейской печати.

В течение последних лет Гослитиздат выпускал совершенно недостаточное количество книг и не мог обеспечить библиотеки, школы, клубы и избывчитальни необходимой литературой. В силу недостаточности гибкой работы издательства русская и иностранная классика выходила крайне нерегулярно, а выпуск полных изданий был неминуемо растян. Из 25 принятых Гослитиздатом собраний сочинений классиков ни одно не доведено до конца. Предисловия, вступительные статьи и приложения к ряду классических изданий написаны и составлены неудовлетворительно, причем многие из них занимают непропорционально большое место.

Выполнение плана 1945 года, в несколько раз превышающего прошлый, должно явиться свидетельством перестройки работы издательства.

Евг. МОЗОЛЬКОВ Силы созидания

Тяжелые раны нанесены Белорусии гитлеровские захватчики. Когда первые жители возвратились в Гомель, они встали там пустыню. По ночам в развалинах домов кричали совы. В Минске не везло сранниками даже рынки.

Белорусский поэт Максим Таж писал: «Мы много обзидали уголков Белорусии... У нас удивление уже вызывают не руганы, а те редкие строения которые кое-где уцелели».

Тысячи лучших людей Белорусии погибли, борясь за честь, свободу и независимость своей родины, замучены в фашистских застенках, расстреляны, сожжены. Огромные культурные ценности разграблены, уничтожены. Наследия подорвать физические силы народа, убиты его культурную, духовную жизнь — вот к чему стремились немцы в годы оккупации. Но историческая была жизненная сила белорусского народа. Несмотря на тяжелые жертвы, он мужественно и стойко выдержал все испытания и с непоколебимой верой в свое будущее приступил к созидательному труду. Из восточных районов СССР вернулись эвакуированные рабочие, из лесов вышли герои-партизаны.

Сразу же после освобождения Белорусии вернулись в родные столицы и белорусские писатели. Вместе со всем народом они участвуют в восстановлении своей страны, в возрождении ее хозяйственной и культурной жизни. Их творчество вдохновляет советских людей на замечательные трудовые подвиги. Еще в 1942 году, в самое тяжелое для нашей родины время, Николай белорусский поэт-фронтовик Пимен Панченко мечтал о радостных днях восстановления. Слово клятвы, были его слова, обращенные к родной Белорусии:

Поздравляю горе и тяжкие муки,
Стала ты мне дорожкой и близкой пойлюе.
Задеть твои раны,
Остут твои слезы,
И расплылось любовью каждый листочек березы,
Вокругу средь пожаров этой горюла я,
Новый в садах задушевно дитяю молодая,
Чтобы ветвь цветущая
Чтоб счастливой была
Дорожка моя Беларусь!

Перевод В. Звонимовой.

Могучая вера в будущее родной страны звучала в стихах великого белорусского поэта Янки Купалы:

Поверь мне, я знаю,
Кавица подлая,
Ты встанешь в почете и славе
И будешь, как прежде,
Счастливой, свободной,
В могучей советской державе!

Перевод М. Исаковского.

О грядущей созидательной работе писатели в своих стихах и поэмах, рассказах и фельетонах белорусские поэты и прозаики

С. ИВАНОВ В ДНИ ЮБИЛЕЯ

Чувашская автономная советская социалистическая республика отмечает 25-летие своего существования. Это происходит в дни, когда великая победа над фашистской Германией празднуется всем Союзом братских советских народов. Тридцатью семью лучшим сынам Чувашской республики — среди них двадцать пять чувашей — присвоено высокое звание Героев Советского Союза. Более 22 000 сынов и дочерей чувашского народа награждены орденами и медалями.

Есть в Чувашии свои бои — тыла. Это они дали много хлеба фронту и всей стране. В годы Великой Отечественной войны чувашей немало увеличило военную подготовку, повысило удельный вес технических культур. Теперь на полях Чувашии — сахарная свекла, кокаматы и т. д. Но главное звание этих лет — рост человека, то, за чем должен следить глаз писателя!

В прошлом культурно отсталая, Чувашия после Великой Октябрьской социалистической революции получила возможность широко и свободно развернуть свои творческие силы. Чувашия теперь имеет Республиканский научно-исследовательский институт языка и литературы, свой Государственный академический театр, театр юноного зрителя, Государственную филармонию, Дом народного творчества, три колхозных театра, Государственный ансамбль народных песни и пляски и еще 25 ансамблевых театров, Государственных коллективов самодеятельного художественного творчества. Увеличилось издание учебников по различным отраслям культуры. Теперь на полях Чувашии — сахарная свекла, кокаматы и т. д. Но главное звание этих лет — рост человека, то, за чем должен следить глаз писателя!

Такое быстрое созидание культуры не было бы возможным, если бы чувашами не испытаны длительные благоприятные влияния передовой советской русской культуры. В чувашской литературе пора созревания еще, разумеется, далеко не закончена. Чрезмерная склонность к фольклорным образам, попытки представить реальную, нас окружающую жизнь на переработанном фольклорном сюжете (или на некоторых деталях фольклорного сюжета), более подробное выписывание мнимого, чем настоящего, диалекта — вот недочеты чувашской литературы. И недочеты эти необходимо преодолеть.

Многовековую историю имеет чувашское народное творчество. И в самые тяжелые времена, когда свирепствовала царская реакция, не угасал свет в народе. Замечательный чувашский поэт К. Иванов создал чувашский литературный язык, стал основоположником чувашской художественной литературы, подарил своему народу чудесную поэму «Нарису».

Но лишь после революции смог чувашский народ развернуть свои таланты, создать культурные ценности во всех областях искусства, и в первую очередь — в области литературы. Появились крупные национальные писатели, такие, как народные поэты республики Н. Шелеб (позднее умерший) и С. Эльгер, поэт С. Шавлы, драматург П. Осипов, А. Эхельд и другие. Они много и успешно работали в годы Отечественной войны.

В настоящее время народный поэт Чувашии С. Эльгер заканчивает поэму «Лейтенант Смирнов» — о сыне чувашского народа, легендарном защитнике Ленинграда, и работает над большой повестью «Сыны народа». Писатель-орденоносец Агаков, участник Отечественной войны, работает над произведениями, посвященными войне с немецко-фашистскими захватчиками, — романом «Солдатское счастье» и повестью «Земля горит». Ф. Уяр заканчивает повесть «Восстание». А. Эхельд работает над романом «Мой земля» и заканчивает сборник рассказов о работе тыла в дни Отечественной войны. К. Турхан (Сергеев) написал повесть о тыле.

В настоящее время народный поэт Чувашии С. Эльгер заканчивает поэму «Лейтенант Смирнов» — о сыне чувашского народа, легендарном защитнике Ленинграда, и работает над большой повестью «Сыны народа». Писатель-орденоносец Агаков, участник Отечественной войны, работает над произведениями, посвященными войне с немецко-фашистскими захватчиками, — романом «Солдатское счастье» и повестью «Земля горит». Ф. Уяр заканчивает повесть «Восстание». А. Эхельд работает над романом «Мой земля» и заканчивает сборник рассказов о работе тыла в дни Отечественной войны. К. Турхан (Сергеев) написал повесть о тыле.

Силы созидания

еще залогом до окончания войны. Но особенно аластно и сильно звучит эта тема сейчас, в дни, когда белорусский народ изживает все свои силы в стремлении быстрее залечить раны, нанесенные войной. Типично в этом отношении стихотворение П. Глебки «Новый дом»:

На заросшем огороде печалью,
Только утро заливает крыльцо,
Птицы кричат, тухит тычиночье,
Ныли шумит и звенит дом.
Люди в чаде, грусти и заботы,
Поднимают вымокшие плечи,
Звонит этот гул и звона,
Тычовали о нем по ночам.
Звонили о и в пещине — каждый,
Что отужал почва под откос,
Созидая сладкую жажду
В обгорелые села принес...

Перевод А. Куперника.

В поэме П. Бровки «Ясный Кут» много грусти, печали о тяжелых утратах. Но еще сильнее неукротимая воля к жизни, жажда творчества. Герои поэмы строят дома, восстанавливают колхоз. Города и села должны подняться из пепла, нити должны коснуться, сады цвести.

Паросом созидательного труда проникли юные стихи поэта-партизана А. Стрейка, А. Беленина.

Мужественные стихи и статьи Янки Купалы и Якуба Коласа в 1941 и 1942 годах вдохновили народ на решительную, беспощадную борьбу. Стихотворение Я. Купалы «Белорусским партизанами» облетело всю оккупированную немцами Беларусь, стало известно каждому белорусскому партизану. Купала умер, не дожидаясь светлого праздника освобождения, но его стихи и песни живут и будут вечно жить в народе. За время войны Якуб Коласа написал много стихов, рассказов, поэму «Суд в лесу». Сборник странных, патристических стихов Я. Коласа «Голос земли» свидетельствует о неиссякаемой песенной лиле поэта. Много и плодотворно работали в годы войны П. Бровка, П. Глебка, М. Таж. Их поэзия стала глотком, бодрит, дает силы. Сборник стихов П. Бровки «К родным берегам» и «Беларусь», поэма «Янк Сяліба» М. Тажа изданы на русском языке.

Как одно из замечательных явлений белорусской литературы периода Великой Отечественной войны следует отметить бурный рост поэзии, представленной именами А. Кулешова, П. Панченко, А. Беленина, А. Стрейка, К. Каренко и др. Еще до войны А. Кулешов выделялся из среды своих сверстников поэмой упорными поисками своего собственного поэтического «ключика» своей индивидуальности. Но подлинная поэтическая зрелость пришла к нему в суровые годы войны.

В белорусской прозе военных лет ярким явлением является — рассказы М. Лынькова и К. Чорного.

Силы созидания

Рассказы умершего в прошлом году К. Чорного отличаются тонкостью психологического анализа. Поступки его героев всегда обоснованы, правдоподобны. У него своя манера письма, свой стиль и язык. Отдельные рассказы К. Чорного («Отец», «Благословенная мать», «Смерть» и др.) появлялись в русских переводах, хотя произведения этого писателя представляют большие трудности для переводчика.

Многие белорусские поэты работают сейчас над переводами стихов польских поэтов. Недавно группа белорусских писателей совершила поездку в Вильнюс, где они были тепло встречены писателями и всей общественностью литовской столицы.

Удивительна сила людей, которые, возвращаясь на опустошенные земли, после перенесенных нечеловеческих страданий сразу принимались за великое дело восстановления Родины. Радостно видеть, с какой быстротой возрождается сейчас культурная жизнь Белорусии. В Минске, кроме многих газет, уже выходят ежемесячный общественно-политический журнал «Беларусь», литературно-художественный ежемесячник «Юлія», газета «Литература и искусство». В течение последних месяцев вышел из печати целый ряд новых книг белорусских писателей, среди которых: сборник рассказов М. Лынькова «Астапа», сборник К. Чорного «Большое сердце», книга стихов А. Стрейка «Кремлевские звезды», стихи Э. Агнянцев «Край мой родимый» и др. Значение всего этого станет очевидней, если вспомнить не только ущерб, причиненный белорусской культуре фашистскими захватчиками, но и молодость белорусского советского и белорусской прессы. Первая белорусская газета («Беларусь») «Наша доля» начала выходить всего тридцать девять лет назад. Основными авторами современной белорусской литературы Я. Коласа и Я. Купалы начали свою литературную деятельность сорок лет назад.

Молодая белорусская литература с честью выдержала жестокие испытания, еще раз доказала свою жизнеспособность и силу. Вспоминаются слова замечательного белорусского поэта Максима Богдановича, сказанные им еще в 1911 году о литературе Белорусии: «Великим чувством на пошное все ее тело, во на грошевых делах держится она».

В высокой идейности, в животворном советском патристизме, в нерушимой братской дружбе со всеми советскими народами и в первую очередь с великим русским народом заключены те могучие созидательные силы, которые служат залогом будущего творческого роста белорусской литературы.

Поэт С. Шавлы написал поэму «Сын» — о дочери чувашского народа, героической радистке-парашютистке, поэму из фронтовой жизни «Харта Чечека», заканчивает поэму о Герое Советского Союза, чуваше Иване Пялковом и работает над новым сборником стихов «Искры сердца». Новые сборники стихов готовят П. Хузангай, Яков Ухсай, Уини Мишиш, Александр Алта.

Новые песни получила чувашский театр. П. Осипов чьи песни в продолжение ряда лет не сходят со сцены чувашских театров, написал пьесу «На родине». А. Калган заново переработал свою пьесу «Нарису», написанную по одноименной поэме классика чувашской литературы К. Иванова. Н. Айман написал пьесу из колхозной жизни, которая скоро будет поставлена на сцене Калининского районного колхозного театра. А. Эхельд написал две пьесы: «Земля и небо голубое» — для Чувашского государственного академического театра и «Солнечный сад» — для Калининского районного колхозного театра. К. Турхан (Сергеев) заканчивает пьесу «Сыны Вольны».

Популярный детский писатель К. Чулгас написал «Сказки рыбака» и заканчивает повесть «Солнце».

Интересной работой заняты писатели И. Мучи и Ф. Уяр. Они составляют сборник «Русские писатели о чувашах».

В связи с подготовкой к 25-летию республики правительство и Союз писателей Чувашии объявили, год назад, юбилейный конкурс на лучшие произведения во всех областях литературы.

Конкурс значительно оживил литературную жизнь Чувашии и, несомненно, даст новые интересные произведения, но ограничить одними творческими результатами конкурс, понятно, невозможно. Начинается новый период. И чувашским писателям, как и всем писателям братских республик необходимо много сделать.

План Гослитиздата

Беседа с директором издательства Ф. Головинченко

Читатели получают в этом году том избранных произведений Бернарда Шоу, включающий 16 пьес, книгу повестей и рассказов Уэлса («Борба миров», «Человек-невидимка» и др.), сборник стихов Луи Арагона и др.

У нас есть основание полагать, что план этого года удастся реализовать, так как производственная база, часто тормозящая работу издательства, теперь укрепилась: 6-я типография Омска, которой предложено выпускать только книги Гослитиздата, будет оснащена новым оборудованием. Это даст ей возможность печатать в год до 150 млн. листов-оттисков — не менее 7 млн. экземпляров книг.

Нам предстоит большая задача — составление трехлетнего плана.

Вновь учрежденный при Гослитиздате редакционный совет примет непосредственное участие в составлении этого плана, в систематическом обсуждении и одобрении рукописей и наблюдении за качеством выпускаемых книг. Редакционный совет должен будет оказать нам большую помощь и в установлении канонического текста для массовых изданий классиков. Нашими текстовыми работами не все же канонический текст многих классиков еще не найден и часто встречается разночтения, порой значительно меняющие смысл текста.

Толстого, его роман «Петр I» (три части в одном томе) и том избранных произведений обьемом 60 печатных листов, который выйдет в ближайшие дни. Мы начинаем издание собраний сочинений Вячеслава Шишкова (I, II томы) и выпускаем два романа «Емельян Пугачев» (книга II) и «Утром-река», переиздаем «Суд в лесу» и «Подлинную пелену» М. Шолохова, избранные произведения Д. Фурманова, «Педагогическую поэму» А. Макаренка, роман А. Новикова-Прибоя «Капитан первого ранга» и др.

Большой интерес представляет сборник современных русских новелл, в который войдут лучшие рассказы советских писателей, начиная с Горького, Серафимовича и Вересаева. Большое место займут в этом сборнике новеллы периода Отечественной войны. Всего в книге будет дано до пятидесяти новелл.

Поэзия в нашем плане представлена книгами избранных стихотворений Анны Ахматовой, С. Есенина, Б. Пастернака, Аветика Исаакяна, П. Антокольского, К. Симонова, С. Маршала, Павло Тычины, М. Вадяна, М. Рыльского, Л. Первомайского, Самеда Вургуна, Якуба Коласа, П. Маршала, Джамбула и др.

Обширен в плане раздел иностранной литературы. Мы издадим роман известного современного болгарского писателя Орлина Василева «Гайдуки» — о борьбе болгарского народа с его поработителями в эпоху турецкого владычества; книгу Эркина Колдузла «Малыш из Джорджии» — новеллы о «маленьком людях» в современном американском городе; сборник рассказов австралийского писателя конца XIX и начала XX века Льюиса; роман Джеймса Олдриджа «Морской орел», посвященный одному из эпизодов освободительной борьбы в Греции; повесть известного французского писателя Болеслава Пруса «Война», сборник стихов крупнейшего современного польского поэта Ю. Тувема.

Классика народов СССР представлена в плане сборниками избранных произведений Шевченко, И. Франко, Леся Украинки, великого казахского поэта Абды Кунанбаева, восточной поэтессы Лидии Кобула, туркменского поэта XVIII в. Махтума Кули, великого азербайджанского поэта Низами («Пять поэм» и том лирики), выдающегося писателя Армении Ованеса Туманяна.

Из иностранной классической литературы советские читатели получат в этом году избранные произведения Вольтера, Дюма, Мопссана и «Граф Монтекристо» Дюма, стихотворения в прозе Уитмана, «Кентерберийские рассказы» Чосера, выходящие впервые на русском языке. Книга будет иллюстрирована гравюрами на дереве Ф. Константинова. Выдут также рассказы Брет Гарта, новеллы Ирвинга, рассказы Джейка Лондона, произведения Мишкелыча, Словацкого и др.

Наш Джамбул

Я хорошо знал Джамбула Джабаева. И сейчас мне хочется вспомнить некоторые наши встречи.

Впервые близко я познакомился с Джамбулом в 1938 году, на первом заседании первой сессии Верховного Совета Казахской ССР. Ему, как старшему депутату, была предоставлена честь открыть заседание. Мы услышали песню во славу нашей великой родины, во славу Великой Сталинской Конституции.

В том же году мы были в Москве. Джамбул был слегка нездоров, и мы охраняли его от многочисленных посетителей. Но когда он узнал, что пришла делегация пионеров, он захотел увидеть детей. Долго с ними разговаривал и вскоре поехал к ним в гости. Джамбул очень любил детей, к ним он обращался с песней, с мудрым советом:

«Не берите от книги — она золотые янчики приносит.
Пришли студенты Государственного института кинематографии. Среди них Джамбул увидел негра: «Я буду быть для него, У этого человека не было родины».

Нужно было попросить Джамбула спеть для записки на пленку. Мы предложили ему пропеть несколько его лучших песен, которые уже были напечатаны и известны читателям. Джамбул обиделся: «Что, у Джамбула нет уж песен, что он должен старое повторять?»

«Помогаю еще: едем к Михаилу Ивановичу Калинин в Кремль получать орден. Джамбул вольнолюбив, дорожит молчанием. Приезжаем, и оказывается, что его верный помощник-добряк опоздал. Огорченный Джамбул благодатит М. И. Калинин, передает привет товарищу Сталину и извиняется, что не может пропеть песню благодарности правительству, которое так высоко оценило его талант».

Всегда веселый, необычайно остроумный, он был лод, несмотря на свой преклонный возраст. Джамбул говорил: «Мне не больше лет, чем советской власти».

Мне довелось быть у него в гостях. Он жил в 80 километрах от столицы Казахстана на Алма-Ата, в живописно расположенном на склоне гор янле. Джамбул выехал нас встречать, как всегда, верхом на лошади, как всегда, со словами приветия.

Как сейчас, вижу его на лошади, обремененном землей родного колхоза, выходящим во все мелочи колхозной жизни. До последнего дня он интересовался и посевами хлопца и урожаем кукурузы. Заботы народа были его заботами.

Я никогда не переставал удивляться тому, что и в обыденной жизни этот человек не говорил, а складывал стихи. Настолько органично было для него поэтическое слово, что невольно, возможно, сам того не замечая, он говорил рифмованными фразами.

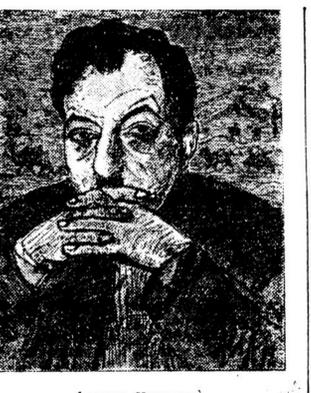
Наступила Великая Отечественная война. Голос старого акына зазвучал по-новому. Гневные, страстные слова были обращены к врагу, нарушившему нашу мирную жизнь.

«Не играй, чужеземец, с огнем
Возле нашего очага.
Не прикасайся к нашей земле —
Как бы пальцы тебе не обжечь!»

Так писал Джамбул в июне 1941 года. На полях Великой Отечественной войны гал смертью храбрых сына поэта. Однако тяжелое личное горе не ослабило работу Джамбула.

«Ленинград в блокаде. Джамбул обращается к мужественным жителям осажденного города с песней «Ленинградцы, дети мои!» Эти строки дошли по адресу, и поэт получил множество писем, полных благодарности и любви.

Я был у Джамбула в мае этого года. Измученный долгой болезнью, он страстно желал поправиться, набраться сил, чтобы спеть песню, достойную великой победы. Смерть помешала ему сделать это.

Аветик Исаакян
Рисунок художника Л. ДАГАНА

«Исаакян — поэт первоклассный, может быть такого светлого и непосредственного таланта во всей Европе нет», — писал Блок. Мы встретились со стихами этого армянского поэта в антологиях, но никогда они не представляли перед русским читателем в объеме, позволяющем судить о его большом творческом пути.

В одностопном Исаакяна, только что выпущенный Гослитиздатом, любовно составленный и отредактированный С. Хитаровой, вошли и прежние, дореволюционные, переводы, и новые, советских поэтов. Аветик Исаакян является одновременно одним из предшественников советской поэзии Армении и ее действенным, активным строителем.

Исаакяна зовут на родине — варпэт — т. е. мастер, маэстро; встречные снимают шапки перед поэтом, в селениях Армении дети радостно выбегают навстречу Аветику. Бойцы, приезжающие на побывку, обступали его, делись с ним новостями.

Народ поет песни Исаакяна. Они так глубоко передают народные чувства и помыслы, что порой поющие забывают об их литературном происхождении.

В чем же сила поэта? Строг отбор его красок и эпитетов, возмужалость и прозрачность стиха, Исаакян наделен знанием человеческих страстей и порывов, наделен он и большим чувством меры.

Чуть тусклый налет, как на старом золоте, лежит на всех его красках. Сила его — это напряженный, беспрестанный подъем духа, это — вдохновенная сущность его личности, это — певучесть, та стихия музыкальности, которая наличествует в художнике всегда, какой бы темой он ни коснулся.

Основная тема Исаакяна — любовь к родине. Не слепая, а глубоко сознательная, требовательная любовь. В «Абдул-Ала-Маари» звучат гневные ноты обличения косяного общества.

История у Исаакяна не притянута к современности, но дышит ею, современность же его исторична, за этим нашим днем — долгие века исторической жизни народа. Это именно так скобели древние изгнанники — армяне, так мечтали они о вольной трудовой жизни, так любили, так плакали, так надеялись на свободу и боролись за нее.

Лирический герой дореволюционных стихов Исаакяна — путник в дальних «не родных» песках пустыни:

Кавалар мой брешит и плещется
Меж чужих и безлюдных песков,
Погоди, караван! Мне едется, —

Под звездами Кремля

Усе было мне мила тут:
Над Нёманом янлеи кут,
Палі шырокая, узгоркі,
І сьмоль сасы, і ўбе зоркі,
І пах асіны гаркаваты,
Сады янлеяны ля хаты,
І гуны перавон крыніц,
І сполах вечарам зарніц...

Этими строками, полными любви к родному краю, открывается сборник стихов Анатолия Астрейки, недавно выпущенный Государственным издательством БССР. Сборник назван — «Кремлёвская зорь». Мысли о Москве, о Кремле, где живет и творит великий Сталин, проходят через все стихотворения.

«По зеленым лужайкам и нивам поползли немецкие танки, самоходные орудия. Пограничная Белоруссия первая оказалась под ударом гитлеровцев, «Край лёну, край лёну, пшаницы і жыта» фаншты заліли кровав, окуталі дымом пожаров. Там, где «красавых дзяцей галасы знялі ад рання да ночы», востаріліся скорб і запустэныя».

Абсырана медам падагга,
І лужы крывы ля парога,
Кавалці шалёвак і рам
Змяшаны з зямлёй папалам.
(«У Церахоўцы».)

Отгнем и железом хотели покорить белоруссов немецко-фашистские захватчики. Но не согнула шею белорусы, не покорились. Бунтуе народный набатнем І Гомель, і Віцебск, і Пінск, І воругу помещиц за раны Наш родны разбураны Мінск.
(«Шаўсталя Беларусь».)

Смерть подстерегала «заговорителей» на каждом шагу. В разделе «Слудкі поёс» и в некоторых стихотворениях других разделов показаны Беларусь в борьбе, Беларусь-партизанка.

Аўтаматы нам служавы касой,
А сярпаны — гранаты, наганы,
Не расою — варожай крывёй
Акрапляючы зямлю партызанам.

Мирные трудолюбивые белорусы — мужчины и женщины, старики и подростки — стали суровыми воинами, народными мстителями. Они ушли в леса, чтобы мстить врагу, быть немца, торопить светлый час, когда свободная Беларусь зазвучит зноу краснечныя стіхі заліва павясы. Запомніце стіхі, расказваючыя о трудовой боевой партизанской жизни, о самоотверженности народных мстителей.

Много теплых задушевных строк посвящено поэтом белорусам-фронтовикам. Вместе с русскими воинами и воинами других народов Советского Союза они прошли славный путь от Кубани до Эльбы, от Сталинграда до Берлина.

И где бы ни был белорус — на фронте или в далеком советском тылу — он, как святыню, берег в своем сердце память о родном крае, где так «любяла хлопчыка» под песню Янки Купалы, где так мила каждая «галінака клеуці кі вазу». В партизанской землянке, во фронтовом окопе летит задушевная песня «пра сінію вочы дзвучыны». Но путь лежит далекий и суровый. По тропам врага проходит путь к родному порогу, и это помнит каждый воин-белорус.

Народ боролся, народ верил. Верил, потому что через линию фронта, сквозь погроховой дым и проволочные колючки светили неугасимые зори Кремля, Рискава жыні, в глубоком подполье люди слушали голосы Москвы, голоса вождя и полководца товарища Сталина. Знают, товарищ Сталин не оставит в беде, придет своих соколов на выручку.

Хай слава век грывіць правдулары,
Хай іў Крамля бясчымнымі начамі
Галазье туды, лае стогне Беларусь,
І ў бітве быў заўсёды разам з намі.
(«Благаславенне».)

Пришел светлый день освобождения. Вот уже год, как Белоруссия вновь живет свободной советской жизнью.

Пробудит года, залечит раны земля белорусская. Но вечно будет жить память о суровых боевых днях Великой Отечественной войны. Каждое слово, каждая строчка о партизанской и фронтовой героике будет восприниматься с большим интересом, и сборник стихов А. Астрейки будет памятен людям.

Анатолий Астрейка. «Кремлёвская зорь». Белгосиздат. Минск. 1945.

Одна из 48 иллюстраций художников Куркритских к рассказу А. П. Чехова «Дама с собачкой», который подготавливается Гослитиздатом к выпуску отдельным изданием.

И. АСТАХОВ Нес'едобный хлеб

В № 3 журнала «Октябрь» за 1945 год напечатана поэма Эффиры Якуб «Хлеб», посвященная о борьбе сибирячек за военный урожай.

Э. Якуб обнаружила крайнюю беспомощность в создании большой поэтической формы. Поэма состоит из отдельных кусков, плохо связанных между собой. Стихи разномысленны, ритмы во многих случаях произвольны, и это очень затрудняет чтение.

Автор зачастую не умеет четко и правильно выразить свою мысль. Так, например, Якуб пишет:

Солнце в осколках лучи сложило,
В яру синева унало.
Строки эти напоминают ребус. Как может солнце складывать лучи, как может в яру синева упасть? Как могут лучи означать тишину сначала, как можно о сыне недомогаемые спотыкаться? Сны, кстати, нельзя смотреть, сны можно только видеть. В словах «смотреть» и «видеть» имеются существенные смысловые оттенки, которые поэт не может игнорировать, если ему не безразличны выражаемые этими словами смыслы.

Если русские поэты еще в XVIII веке умели ценить в поэтическом слове «некое мерное согласие и некий приятный звон» (Кантемир), то никакого «приятного звона» нельзя обнаружить в таких рифмуемых словах: не пропасть — мастера, хлеб — кохбайн.

Нет никакого смысла в таких стихах:

И в степь тяжкую зерном истрепало,
В степь черных звезд и млечной дрожи
Вползает тусклый день без радостей,
Без красок...

Почему степь «тяжелая зерном и истрепало»? Откуда появилась в этих строках «тяжелая»? Что такое «черные звезды» и «млечная дрожь»? Это не поэзия, а виршеплетство, не образы, а вырочатая литературщина луного вкуса.

Подобно тому, как мы не можем себе представить ни «черных звезд», ни «млечной дрожи», ни степи, «тяжелой зерном и истрепало», нельзя представить себе так же, как «уходят волны луного разлива и синий блеск».

Возможно ли, чтобы от прикосновения солнечного луча у женщины, до крайнего предела утомленной трудом, «загорелась грудь таким синим цветом, как будто до краев синим налилась»? Не говоря о явной нелепости «снятия плоти», позволившей спрестись, как это грудь одновременно «загорелась и анализата»?

Возможно ли представить «своего томленья, разлитое в крови, как яд»? Томленья, как... яд. Все это так же нелепо, как нелепы «ленные белер поворот, и сном разжатые колени или «слапшо пахнувший день».

Через всю поэму «Хлеб» проходит тема ярости. Женщины яростно трудятся, создавая, что современно убранный хлеб — большая помощь фронту. Эта ярость прелас:

Я, Якуб, «Хлеб», поэма, «Октябрь» № 3, 1945.

Семен ГУДЗЕНКО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Над нами тысячи стрижат,
как огаделье, визжат,
Как угорелые, стремглав
весь дерг бросаются стрижи
в заброшенные блиндажи,
в зеленую прохладу трав.

Они кунаются в росе,
они росой опыняются,
По Кишиневскому шоссе
мы возвращаемся с войны.

Нужно и то, и другое. Все жанры нужны, кроме скучного. Но в то время, как книги Ферема поднимаются до поэзии, книги Бубликова и Шкловской, добросовестно и со знанием дела написанные на те же темы, можно скорее отнести к общепной популяризации.

Понадобилось бы специальное исследование для того, чтобы охарактеризовать с этой точки зрения все наши научно-художественные книги.

Здесь же мы хотели бы остановиться на нескольких новых произведениях, которые в той или другой степени сочетают в себе научный материал с поэтическим восприятием мира, которые еще раз доказывают, что литература и наука могут говорить общим языком.

Вот книги Орлова. Орлов — инженер и изобретатель, который пришел в литературу из научно-исследовательского института. Не у каждого автора есть авторские свидетельства, а у Орлова их двадцать пять — двадцать пять патентов. Он в литературе остается изобретателем. Его последняя книга «Рассказы о неувольном» говорит о том, что неувольном, — о пали, о тени, о дыме, об искре, но эти малозначительные вещи служат для больших обобщений.

Мы видим другими глазами «ожурок, лежащий на краю пепельницы; табачный дым объясняет нам, почему небо голубое, а облака белые. Мы начинаем слышать то, чего не слышали: как дышат часы, как кричат струя в зале».

Мысль и слово помогают друг другу в книге Орлова. Да так и должно быть. Ведь мысль и слово так же неразделимы, как душа и тело. В здоровом теле — здоровый дух; в точном слове — точная мысль. Нового человека и новый мир видим мы и тогда, когда читаем книгу Бабата «Страна Пэфэ».

Вот новое слово «Хлеб». Этот термин кажется нам специальным. Но Бабат расширяет нам его образное значение. Реле — это «переносилка». Но «французские лютневых станциях переносили» — «установили: «лошадные силы» заменили электрическими, и дилжанке весело отправлялся дальше. Электронную лампу стали называть «реле» — «переносилка», потому что она подхватывает ослабевший электрический сигнал и вливает в него новые силы.

Страна «Пэфэ» — это волшебная страна. Но это только маленькая часть волшебного мира науки.

По этому же чудесному миру ходит нас и Костыков в своей книге «Большая лампа».

Сказочное название здесь оправдано. Вот одна из глав, которую можно назвать маленьким радиоморо. Действие происходит в эфире. Соблюдено единство места: земной шар. Диалог идет по радио через океан. Тут есть и преследование преступника — не на суше, не на море, не в воздухе, а в том же эфире.

Немецкий шпион пытается найти в Америке данные о новом радиоприборе. Немцы хотят завладеть для своих целей новыми глазами человека, такими глазами, которые видят и под водой и за облаками. Шпион вместе с его радиопередатчиком попадает в руки американского разведчика. Американцы продолжают от его имени вести переговоры по радио с гестапо. Им удается войти в доверие и даже получить орден от Гитлера. Гестапо раскрывает перед немцами все свои эфирные карты: дает им код и длину волны всех тайных шпионских радиопередатчиков в Америке. По длинам волн удается с помощью радиопеленгаторов найти и самих шпионов. И 39 радиоприемов, пойманные в эфире с подлинным, предстают перед американским судом.

Вот новый сюжет, где действие происходит в новом мире, открытом наукой.

В других главах книги Костыкова действие происходит и под землей и под водой в местах еще не познанных, не исследованных писательскими ногами, янл, вернее, перьями.

Река исцеляет под землей и снова появляется на большом расстоянии. Как проследить ее путь? В нее бросают резной шар с маленьким радиопередатчиком. И этот маленький шарик сам сообщает нам о своем маршруте.

Кит, раненый гарпуном, исцеляет в морской глубине. Но на ките гарпуна радиопередатчик. И бедный кит, не совершивший особых преступлений, сам доводит преследователям о своем местонахождении. Чему тут удивляться?

Опять-таки не вещам, а человеку, который их создал.

Это удивление перед человеком испытывает с особенной силой, когда читаешь книгу Немцова «Незримые пути» — о рождении маленькой полевой радиостанции, о радостном и трудном творческом пути конструктора.

«Незримые пути» — это пути радиоволн над вершинами гор, в облаках, в лесу, в море. И в то же время это сложные, извилистые пути изобретательской мысли.

Вы видите, как конструктор создает новую радиостанцию и как он испытывает ее на суше, в воздухе, на море.

В книге Немцова необычный диалог: говорит два голоса — один восторженный, другой скептический, насмешливый. Оба голоса принадлежат одному и тому же человеку — изобретателю. И оба голоса нужны — и голос увлеченный, и строгий голос критики и проверки.

Я рассказывал здесь о четырех авторах. Все они прекрасно владеют материалом науки. Но если Бабат и Костыков больше ученые, чем писатели, то Немцов уже ближе к художественной литературе, а Орлов можно смело назвать вполне сложившимся писателем.

Мне хотелось на этих нескольких примерах показать, как литература и наука находят общий язык для того, чтобы рассказать людям о новом чудесном мире. Это фантастический мир, в котором мы живем, но о котором мы мало знаем. Вести о научных открытиях доходят до нас через много лет, словно свет далеких звезд. И мы нередко все еще изображаем небо, как оно было сто лет назад, и человека, которого уже нет.

М. ИЛЬИН Литература и наука

Иногда думают, что научно-художественная литература — дело новое. Но это неверно.

Науке и литературе старт был дан одновременно.

Перечтите «Илиаду» и «Одиссею». Вы найдете в них всю науку гомеровских времен. По «Одиссее» можно составить карту погоды и открыть шиклон, который разметал трескские корабли. Так хорошо знали мореходы того времени смену ветров. И певцы не отставали от мореходов.

Когда устанавливали родство, — вспоминают общих предков. У науки и литературы общие предки. Первые научные сочинения о природе были написаны в стихах. Это были поэмы о природе, поэмы о науке.

Если проследить пути науки и литературы, мы увидим, что сестры долго шли рядом. Ученые писали поэмы, и писатели были учеными. Вспомните Лукреция и его поэму, непревзойденную богов и охватывающую все мироздание.

Если мы из древнего Рима перенесемся в нашу страну, мы являемся свидетелем гигантскую фигуру Ломоносова.

писал Одоескому, что он, конечно, не придумает машину для очистки путей от снега.

Многие из нас могли бы сейчас сказать, какие машины нужны изобретатели для обслуживания авиалиний?

Наука и литература тяготеют друг к другу. И все-таки они были разделены. Это не случайность. XIX век был по преимуществу веком анализа, веком изучения и накопления материала, веком дифференциации наук. Все выше росли стены — не только между наукой и литературой, но и между отдельными науками. Ботаники не знали, что делают астрономы и физики. И те и другие открывались от философии. В языке науки появлялись все больше специальных терминов, символов.

Но это было только этапом. Мед собираются в сотах, в ячеек. И пришла пора этапам.

Началось время великих обобщений. Дарвин обобщает опыт науки о живой природе. Менделеев обобщает опыт науки о природе неживой. Маркс и Энгельс обобщают историю общества, историю матери.

Снова, как в древней Элладе, дело идет к синтезу, к созданию мировоззрения. Сближаются пути науки и философии. Наука и философия соединяются в единое целое в трудах Ленина и Сталина. Электрификация и диалектический материализм, наука о природе и наука о человеческом обществе становятся под их рукой рычагами переустройства мира.

десятью книг о самых разнообразных вещах и явлениях.

О нашей родине и ее перестройке писали К. Паустовский и Н. Михайлов, о военной технике — Н. Тихонов, Савельев, Абрамов и Долгушин, Перля, о химии — Нечая, о математике — Волков, об истории языка — Каганский, об истории изобретений — Ивлев, о палеонтологии — Савельев, об археологии — Лурье, об истории медицины — Е. Сегад, о машинах — Дрожжин, о геологии — Бубликов, о кристаллах — Шкловская, о животных — Бианки, Щербиновский, Чурушин, Лесник, о микробиологии, Пастере — Кузнецова, о Павлове — Югов и Фролов, о Мирко Полю — Шкловский, о Минчурине — Вач. Лебедев, Шкловский и Тимирязев — Сафонов, об академике Крылове — Писаржевский, о Дарвине и Уоллесе — Тяньшанова.

Уже по этому далекому не полному перечню видно, как разнообразна тематика научно-художественной литературы. О некоторых из этих книг следовало бы сказать подробнее хотя бы потому, что о них не писали. Наши критики не посвятили ни одной рецензии прекрасной книге Шкловской «Марко Поло», хотя эту книгу хорошо знают и у нас и за рубежом; она переведена на несколько иностранных языков.

Мало писали и о работах Н. Михайлова, посвященных географии нашей страны. Его книги широко известны в Америке, в Англии.

Близко к научно-художественной литературе творчество Пришвина, Мариэтты Шагинян, Агапова.

Много сделал в этой области Борис Житков, который принес в литературу свой богатый опыт инженера и штурмана дальнего плавания, свой чудесный русский язык, которому он учился у плотников и каменщиков, у кузнецов и машинистов.

Иллюстрации художника В. Бектеева к книге Ованеса Туманяна «Избранное» (Детгиз).

„ДВЕНАДЦАТАЯ НОЧЬ, или ЧТО УГОДНО“

Игорь Ильинский в роли Мальволио.

Какое странное заглавие дал Шекспир своей комедии! Можно просмотреть спектакль и не понять, к чему тут 12-я ночь, и в какой стати театр обращается со столь угловатым вопросом к зрителям — «что угодно»? Помочь в этом случае может только историческая справка. Оказывается, в доброй старой Англии был обычай устраивать пирушки и маскарады между праздниками Рождества и Крещения. И вот в последнюю 12-ю ночь проходил самый шумный и затейливый карнавал — винные пары кружили голову, шутки становились злободневными, проделки отважной, мечтающей дерзновенной: люди словно преображались, становились остроумнее, моложе, влюбленнее в жизнь. Какое это имеет отношение к пьесе? Правое. Действие «12-й ночи» происходит в Иллирии — в стране, рожденной вольным духом карнавала и пылкими мечтами влюбленных.

В начале спектакля легкий челн причаливает к берегам Иллирии. Он приносит на своих крыльях парусов людей в страну, где человек, освобожденный от грубого телесного забот и обязанностей, свободно отдается мечтам, шуткам и веселости, где естественно проявляются лучшие свойства его натуры.

Так задумал свой спектакль режиссер В. Дулин. Как же замысел осуществлен? Первый обитатель Иллирии, с которым мы познакомимся, был герцога Орсино. Он оказался человеком надменным, строгим, с медленными движениями и торжественным голосом. По крайней мере именно так изображал его актер В. Аксенов. Герцога переживал муки безответной любви к вдове, которую он полюбил скорее на безудельного влюбленного, чем на неудачливого любовника. Вздохи и слезы герцога вторили печальным скрипкам и флейтам — нежная приглушенная музыка Ю. Шапорина перой походила на реку... И в такие моменты, эти скользящие звуки вовсе не казались чуждыми общей атмосфере спектакля. По замыслу тут ступали прилюдные; костюмированные слуги, эти извечные показатели яркой театральности, старались незаметно прошептать, чтобы нарушить обаяние тона действия. Среди пестрой толпы бродил шут в черном платье. Эту роль в меланхолической манере, без тени иронии играл И. Лепешкин. Особой проникновенности актер достиг, когда, появившись в окне и приняв эглическую позу, спел герцогу мрачные куплеты о смерти, тлении и костях... Даже юная Виола — Г. Еремеева, попав в подобную ситуацию, заговорила печально-возвышенным тоном.

Но разве все это нам угодно, когда мы смотрим «12-ю ночь»? Придурились лирические мелодии, ироничные шутки и печаль любви, очаровательная, юмористическая грусть — вот краски, которыми нужно было писать эти сцены — прихотливые, трогательные и в то же время нем-то смешные. Ведь Орсино — не реальный герцога, а пылкий юноша из Иллирии, зарывающийся собственной любовью и обманутой иллюзией страданий. Его муки сильны, порывы и быстротечны, как летняя гроза. Гремит гром, собираются тучи, лет листва, а солнце отключилось, да проглянет. И как только отступит гроза, небо снова голубое, птицы щебечут, деревья сияют алмазами, и на душе — благодать. Пусть грустит Орсино, но у молодого любовника скрывается другая, и нежная искренняя любовь. Лучший ширма — это сопровождается доброй иронией над их юношеским оптимизмом. Только из этого противоречивого сочетания родилось бы истинная поэтичность. Свежее, молодое, здоровое чувство само по себе обрело бы поэзию, и актеру не нужно было скрывать прозаическую скуку, царящую в душе герцога, вычурными интонациями внешней поэтичности. Если образ лишен живости непосредственных чувств, он не может быть поэтичным. Таков закон искусства.

Но покинем область эглической грусти и окунемся с головой в мир забав и шуток. Здесь-то мы обязательно отыщем то, что угодно.

Бравый, светлый, неунывающий сэр Тобин и его очаровательная, лукавая, приваля подруга Мария. А рядом с ними — неслепейший господин Эндрю Эгличий, глупец и бахвал, искренно убежденный, что он владеет всеми человеческими добродетелями. Знаменитая комическая «троица» — вот уже три столетия веселит она народ. И дело не в том, что придумывают Тобин и Мария и что вытворяет Эгличий, а в том, как, с каким чувством, с каким молодым задором и удалью все это делается. Ведь важны не проделки сами по себе, а то, как в этих проделках проявляется обязательный жизнедеятельный характер сэра Тобина и Марии, с какой завидной алчностью упиваются они жизнью.

Поэт не выходит в путь готовым, как Палада из главы отца. В творческой жизни его бываю периоды движения медленного и стремительного, прямого и обходного. Он бросает затупившееся оружие, чтобы выковать новое. Он ведет разведку материала всеми способами, иногда и прозой. Кстати, мне кажется, что проза Тихонова имеет в его творчестве не такое уж подсобное значение, как это думает автор.

Поэт спорит с собой, овладевает залежь собственного опыта, захлебывается в стиховой волне. Каждый действительно крупный поэт не однажды —

...был стихами замучен.
Мылся в пенной стирке покое.

В разные периоды творческой жизни он по-разному встречается с историей. Непосредственное чувство иногда не сразу вырастает в его творчестве до исторической сознательности. Иногда — это мучительный процесс. Вот почему мне хочется спорить, когда П. Антокольский сближает в статье о Багряком ту молодую, которая неслучайно силой финифиной боли, хотя в них нет ничего «красивого». Леся Украинка по-мужски сурова в своем патриотизме и ненависти.

Как же обстоит дело в книге П. Антокольского с советскими поэтами, с нашими товарищами и современниками?

Статьи, посвященные советской поэзии, очень различны и по охвату материала и по методу. Общее достоинство этих статей, идет ли речь о Тихонове, Суркове, Первомайском, — это то, что в области поэзии и его лирического героя уловлены черты советского человека. — победителя в Великой Отечественной войне, уловлена та живая традиция, которая связывает советскую поэзию со всем наследием русской культуры — самой человеческой и национальной культуры в мире.

Иногда портрет художника написан автором исторически и монографически — статья говорит обо всем творческом пути поэта. Таковы статьи о Тихонове и о Багряком. Иногда, как в статье о Первомайском, автор прочитывает за нас лишь одну книгу. Иногда, как, например, в статье о Пастернаке, П. Антокольский, говоря как будто об одной книге, вместе с тем говорит о всех противоречиях творчества поэта. Но все же в большинстве статей сборника автор не дает всей сложности противоречий творческих путей поэта.

Иногда портрет художника написан автором исторически и монографически — статья говорит обо всем творческом пути поэта. Таковы статьи о Тихонове и о Багряком. Иногда, как в статье о Первомайском, автор прочитывает за нас лишь одну книгу. Иногда, как, например, в статье о Пастернаке, П. Антокольский, говоря как будто об одной книге, вместе с тем говорит о всех противоречиях творчества поэта. Но все же в большинстве статей сборника автор не дает всей сложности противоречий творческих путей поэта.

Какова бы ни была жизнь художника, творческая его биография всегда драматична. Даже если путь его прямой, как путь наших советских поэтов, — он все-таки долг и сложен. Поэт растет и мужает вместе со своим народом. И нередко, тотчас же найдя свое место в риде поколений, он не сразу может творчески осознать смысл тех исторических событий, в которых сам принимал участие.

заялся победителем! Он получил любовное признание от самой Оливии. Финифиной дворцкого лоснится от счастья, она увидела его истинные чувства, она предочла его принца. Дворецкий в своей его умом и красотой. Тщеславная гордость расцветает на наших глазах. Мы как бы лишемся торжественный акт — индюк распускает свой хвост и заспывает в величественной позе.

Сатирический облик своего героя Ильинский раскрывает с беспощадной силой — тщеславие души. Мальволио. Эта страсть до такой степени овладевает человеком, что он как бы теряет черты личности и становится воплощением отвлеченного понятия, автоматом, движимым одной злобой страстью себялюбия. Но этот автоматизм, верно передавая идейный замысел роли, все же обдает актера и лишает Мальволио той внутренней воздушности, без которой шекспировский характер не полноценен. Этот недостаток исполнения особенно ясно сказывается в значительной сцене чтения письма. В самый патетический момент роли, когда Мальволио трепещет и ликует, Ильинский с механической последовательностью продолжает монотонные прологи — с походом, с игом, с удочкой, с ногой и т. д. Сам по себе это сатирические выходы могут быть хороши, но они явно мешают актеру последовать ход внутренней жизни Мальволио, раскрыть буревало его чувства.

Ильинский играет тщеславие Мальволио, и только тщеславие. А ведь у Мальволио не только вскружились голова от гордости, вероятно, у него и забилось сердце от нежных чувств. И разве не самое смешное разглядеть, как любовь проникает в это механическое животное, как она открывает его надеждам, и как индейский петух в экстазе начинает размахивать крыльями, что взлетает в небесах, но Ильинский это ни парадоксально, но Мальволио тоже воздушности. Ему тоже умеет строить воздушные замки, правда, с обязательным условием, что должность дворцкого останется за ним.

Игорь Ильинский не показывает этой стороны своего героя Мальволио. И поэтому его герой не падает с небес. Мальволио остается самим собой. Этот человек провинился, но не жалок. Не его изгнали, одурачили, раздели донага, оспали пылом и выставили на посмешище, — нет, он сам рассердился на глупое ребячество и покинул эту вздорную страну.

Но в самую последнюю минуту Мальволио настало поражение — на берегу Иллирии он должен был столкнуться с юным Себастьяном, и тут бы Мальволио пал. Жизнь всегда победит догму.

Точно молодой ветер, ворвался на сцену Себастьян. Юный, красивый, смелый человек, он говорил, ходил, смеялся, сердился, дрался на дуэли — это был живой, энергичный, ладный юноша. И мы, зарывавшие его жизненной силой, любили себя на том, что не узнавали Т. Еремееву, которая только что была Виолой и витала в мире поэтических грез. Будто талант актрисы не смог больше стерпеть неволи, вырвался из поэтических пут и заговорил вольно и открыто, от всего сердца. И дело тут не в особом даровании Еремеевой, а в том, что актриса инстинктивно почувствовала истинную стихию шекспировской комедии, когда изобразила не жизнь в поэзии, а поэзия в жизни. И оттого ярко горят у актрисы глаза, румянцем донымают покрываются щеки, разговаривает у нее дыхание, если нужно сказать слова любви, и сжимаются кулаки, когда приходится лезть в драку.

Блаженный миг — мраморная Пнобелюжда. Действие равновесие в стремительном ритме. Люди одуревали на наших глазах: Оливия (Н. Арди) заговорила взволнованным, страстным голосом, Виола в отчаянии оставила свою любовь, шут бойко сыпал остроумиями и даже само изобретение герцога догнать и начало сердито браниться обычным человеческим голосом... И чудо это свершил Себастьян — истинное единство поэзии и жизни. А если бы этот молодой ветер с самого начала вскружило тихие воды Иллирии, насытив живым воздухом очаровательную парку В. Рындина и шловоило размазав бы его катановые влюбленные, если спускаясь бы победителем на грешную землю, а земных обитателей захлестнул бы радостным чувством бытия, — тогда на «12-й ночи» допиралась бы веселая и юная поэзия и любовь.

Но это было бы как раз то, что нам угодно!

Роль Мальволио играет Игорь Ильинский. Его выход великолепен. Вот истинный шекспировский масштаб комического. Мальволио ступает медленно и плавно, говорит степенно, растягивая и небрежно бросая слова, смотрит на окружающих людей холодными глазами, умишки не сходит с его губ. Кажется, что этот человек однажды презвительно пожал плечами и в такой странной позе застыл на всю жизнь.

Но самолюбивость Мальволио, его чопорное величие — не просто черты личного характера. Это пафос мещанского здравого смысла, мнящего себя действительным хозяином мира. Мальволио презвительно претирует веселую банду сэра Тобина. Их борьба — это столкновение античной моральной морали с полностью и яркостью жизненных сил. И вот в этой борьбе Мальволио неожиданно ока-

...был стихами замучен.
Мылся в пенной стирке покое.

В разные периоды творческой жизни он по-разному встречается с историей. Непосредственное чувство иногда не сразу вырастает в его творчестве до исторической сознательности. Иногда — это мучительный процесс. Вот почему мне хочется спорить, когда П. Антокольский сближает в статье о Багряком ту молодую, которая неслучайно силой финифиной боли, хотя в них нет ничего «красивого». Леся Украинка по-мужски сурова в своем патриотизме и ненависти.

Как же обстоит дело в книге П. Антокольского с советскими поэтами, с нашими товарищами и современниками?

Статьи, посвященные советской поэзии, очень различны и по охвату материала и по методу. Общее достоинство этих статей, идет ли речь о Тихонове, Суркове, Первомайском, — это то, что в области поэзии и его лирического героя уловлены черты советского человека. — победителя в Великой Отечественной войне, уловлена та живая традиция, которая связывает советскую поэзию со всем наследием русской культуры — самой человеческой и национальной культуры в мире.

Иногда портрет художника написан автором исторически и монографически — статья говорит обо всем творческом пути поэта. Таковы статьи о Тихонове и о Багряком. Иногда, как в статье о Первомайском, автор прочитывает за нас лишь одну книгу. Иногда, как, например, в статье о Пастернаке, П. Антокольский, говоря как будто об одной книге, вместе с тем говорит о всех противоречиях творчества поэта. Но все же в большинстве статей сборника автор не дает всей сложности противоречий творческих путей поэта.

Какова бы ни была жизнь художника, творческая его биография всегда драматична. Даже если путь его прямой, как путь наших советских поэтов, — он все-таки долг и сложен. Поэт растет и мужает вместе со своим народом. И нередко, тотчас же найдя свое место в риде поколений, он не сразу может творчески осознать смысл тех исторических событий, в которых сам принимал участие.

заялся победителем! Он получил любовное признание от самой Оливии. Финифиной дворцкого лоснится от счастья, она увидела его истинные чувства, она предочла его принца. Дворецкий в своей его умом и красотой. Тщеславная гордость расцветает на наших глазах. Мы как бы лишемся торжественный акт — индюк распускает свой хвост и заспывает в величественной позе.

Сатирический облик своего героя Ильинский раскрывает с беспощадной силой — тщеславие души. Мальволио. Эта страсть до такой степени овладевает человеком, что он как бы теряет черты личности и становится воплощением отвлеченного понятия, автоматом, движимым одной злобой страстью себялюбия. Но этот автоматизм, верно передавая идейный замысел роли, все же обдает актера и лишает Мальволио той внутренней воздушности, без которой шекспировский характер не полноценен. Этот недостаток исполнения особенно ясно сказывается в значительной сцене чтения письма. В самый патетический момент роли, когда Мальволио трепещет и ликует, Ильинский с механической последовательностью продолжает монотонные прологи — с походом, с игом, с удочкой, с ногой и т. д. Сам по себе это сатирические выходы могут быть хороши, но они явно мешают актеру последовать ход внутренней жизни Мальволио, раскрыть буревало его чувства.

Ильинский играет тщеславие Мальволио, и только тщеславие. А ведь у Мальволио не только вскружились голова от гордости, вероятно, у него и забилось сердце от нежных чувств. И разве не самое смешное разглядеть, как любовь проникает в это механическое животное, как она открывает его надеждам, и как индейский петух в экстазе начинает размахивать крыльями, что взлетает в небесах, но Ильинский это ни парадоксально, но Мальволио тоже воздушности. Ему тоже умеет строить воздушные замки, правда, с обязательным условием, что должность дворцкого останется за ним.

Мамед РАГИМ

ИЗ ТАВРИЗСКОЙ ТЕТРАДИ

ХЛЕБОПЕК

Плывет молитва с минарета — вниз.
Так день твой начнется, Тавризм.
Уже открыта лавка. Толст и сыт,
Кулеп в углу на коврик сидит.
Он молится алашу, чтоб алаш
Удачу послал ему в делах.
Пожаны за поклоном он кладет
И по лицу стекает жирный пот,
Он рыскает по небу: он и тут
Выскакивает прыбля, жирный плаут!

Ты ж руки тынешь кину — на тендыр!
Ты худ и бос. Не смей в одежде дыр.
Ты хлебопек. Ты должен печь хлеба,
Затеряна во мгае твоя судьба.
С утра пылает каменная печь.
Ты должен жить и годы печь и печь.
Весь век сбивайся. Хлеб пекти. Молчи.
А грядь раскалаеи, как кирпичи,
А печь гудит, пылает печь. Она
Твоей тоской обожжена.

На вот и хлеб готов, не хлеб, а той! —
Лавки румяный, пухлый, золотой.
И ты охрипшим голосом зовешь —
Эй, господи, не покусись на гроби,
Не покусись, хорош лаваш, ага,
Кули лаваш! Цена недорого!
Хинкает хозяин твой: он рад.
Звонит дингар, запятанный в халат.

В соседних лавках — тоже звон монет.
Чего тут только на базаре нет:
И масло, и каймак, и молоко,
Изюм, как сахар, тающий легко,
Сладкий сыр и вынутый из сот
Оранжевый, затинный солнце мед.

...А в город из пустынь, из дальних стран
Идет за караваном караван.
Они сюда ведут издалека
Легчайшие ширмаеи шелка.
Резну, вырублены, стонут бубенцы
И пылут арабские богатые бушмы.

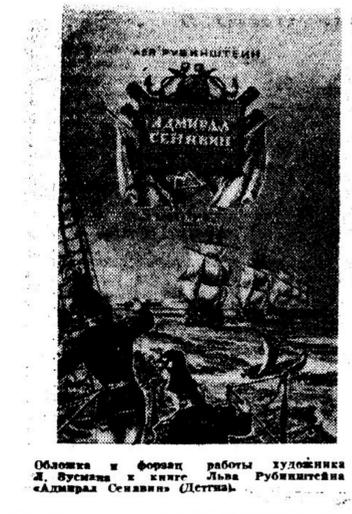
О, жадна! Черный пот стекает с век —
Ты меда не испробуешь вовек
И ты не купишь шелка и парчи —
Весь век сбивайся, хлеб пекти. Молчи...
Уйдет погонщик в выжженный степь,
В тыках — тобою выпеченный хлеб.

День на исходе. Тает свет заря.
И желтые погасли фонари.
На минарете вновь поет молла.
Дневные завершаются дела,
И вот стоишь ты, голоден и бос,
В глазах кровавых не осталось слез...
О, хлебопек, ты выпекал лаваш...
Что детям ты своим на ужин дашь?

Ты двери лавки запер. Не спеши,
Открой, отрой мне дверь своей души,
Все бедь расскажи мне — до одной,
Я кровный брат твой. Говори со мной!

Перевел А. ПЛАВНИК.

- 1 Тендыр — каменная печь.
- 2 Той — праздник.
- 3 Каймак — сливки.
- 4 Арак — водка.

Обложка и форзац работы художника Л. Бусыгина к книге Льва Рубинштейна «Алишера Саваяна» (Степан).

Н. ЕМЕЛЬЯНОВА РАСКАЗЫ О ЛЕСНЫХ ЗАГАДКАХ

Две книжки Ник. Устиновича «Лесная жизнь» и «Аромат земли» вышли одна за другой в 1944—45 гг. в Красноярском краевом издательстве. Это сборники малых рассказов на тему о человеке в природе. Эпиграфом к обеим книжкам можно было бы поставить слова охотника Максимила из рассказа «Хозяин», которым заканчивается первая книжка Ник. Устиновича: «В тайге ведь все не как в городе, а как в лесу. Знай, что все может прийти польза, ушей только сообразать».

Повеление книг о природе всегда привлекательно. Сколько бы ни было выписано таких книг, каждая как-то расширяет наше понятие природы и чему-нибудь учит. Особенно, если автор — внимательный, наблюдательный «хозяин» природы.

Количество «секретов» в природе — бесчисленно, и внимательный человек, если он много видел, долго всматривался, всегда найдет и увидит то новое, что имеет зачастую ценность открытия. Уже то хорошо, что книга таких рассказов привлекает человека не проходя мимо неразрешенного и неотгаданного в природе.

Автор в лесу — свой человек. Легко можно представить, как он ночью отходит от костра, прислушивается: «Серебряный лист сорвался, и было слышно, как лепелился он за сучки, пока не упал на землю. А потом вдруг на дальнем болоте разом тревожно заржачили журавли». И то, что автор «отходит от костра», чтобы прислушаться и рассмотреть, хорошо передает ощущение юности в лесу и ожидания. Тут у автора есть и наблюдательность, и умение передать словами то, что он увидел.

Наблюдательность автора обнаруживается много раз на страницах обеих книжек и самое загадочное делает вдруг очень простым, как в рассказе «Следы на воде».

Опытный охотник выбирает себе хорошее место «на лавках» (крошечные заболоченные озера), заметив, что на одной из них «ослая рыбка (маленькие плывучие личинки) переключен во всех направлениях узкими полосками чистой воды» — следы плавающих уток. «И это все?» — с разочарованием спрашивает за молодого охотника автор. И опытный охотник отвечает: «Чего же еще?»

Все дело в тонких черточках: заметил, поглядел, проверил и убедился, что пошла правильно каждое изменение, происшедшее в природе, значит, ты в природе «хозяин». Значит, ты все в ней можешь обратить себе «на пользу».

Но польза бывает разная: польза охотнику и человеку. В рассказе Ник. Устиновича «Ветерок» встречается только одна хозяйственная польза, а читатель хочет и второй, человеческой, которой автор не только описывает удачную охоту, а и раскрывает внутренний мир живых существ.

Над такими рассказами о природе работает непреклонный мастер Михаил Михайлович Пришвин. Когда читаешь рассказы Ник. Устиновича, кажется, что он многое рассказы не окончил в чем-то главное, что самая суть осталась не открыта.

Н. Устинович. «Лесная жизнь». Красноярское краевое издательство, 1944.

Н. Устинович. «Аромат земли». 1945.

Е. КНИПОВИЧ

Книга П. Антокольского «Испытание временем» — это укор нам, критикам. Она, сколько мне известно, единственная книга статей о поэзии, вышедшая за годы войны.

Взгляд художника, «хозяинское» отношение к материалу сказывается в том целостном восприятии поэзии, которое заключено в книге.

Говорит ли автор о Лермонтове или о Багряком, о Державине или о Пастернаке, — он всегда стремится доказать своим, поэтическим средствами, как глубоко-смысловая сторона поэзии обнаруживается во всех элементах стихотворения, во всей его «полифонии» и «полиритмии».

Творческая индивидуальность автора проявляется в книге достаточно ярко. Но статьи сборника объединяет «прихотливый певец». У книги П. Антокольского есть своя тема, общая идея.

Обостренное чувство истории — основная черта всего творчества П. Антокольского. Речь здесь идет не о его внимании к исторической тематике. Вкус к этой тематике в данном случае — производное. Речь здесь идет об остром, напряженном чувстве непрерывности и единства всех проявлений исторической активности своего народа и всего человечества, выражается ли оно в фактах социальной революции, в детской простоте первичного восприятия, в детской простоте событий сегодняшнего дня? Об этом говорит всесторонняя статья к сборнику П. Антокольского «Сим победиши», в которой поставлена тема книги.

Все сказанное в статье справедливо. В «минуты роковые» художник действительно должен стать «самосознанием» народа, закрепить в образах искусства ту мобилизующую моральную силу и великий традиционный национальный и культурный, которую свершает в эти дни каждый отдельный человек и весь народ. Художник действительно должен быть в первом беге исторические судьбы своего народа. Может быть, читатель, проворя в эти дни свою «обую готовность», вспоминала только русские сказ-

кой. Он и вразвалу готов вылезти из золотой рамы духотливой классики, как годовской портрет! Но мне, критику, хотелось бы, чтобы рядом с синтетическим образом «доблестного народа» и его полководцев стоял и тот ветеран, который титно ждал помощи на пороге великоимья — «Сибарита».

А так на истинный восток Прибыл на костылях оубогий Восточный старый воин тот. Тремя медальми украшенный, Которого в бою кура Избавила себя от смерти...

Нет, Державин отнюдь не был «жобинцем», и в его под такового не гриную. Но од «Властителям и судьям» (первый самый резкий, не пропущенный цензурой вариант) написана через пять лет после того, как отремела великая крестьянская война в России, и именно в ту пору, когда армия Вашингтона русская печать XVIII века, взыршил за мушкет, начал быть «не по правилам» регулярные войска метрополии. Мне кажется, что между этими историческими фактами и одой Державина есть несомненная, хотя и подспудная связь. Мне жаль, наконец, что в статье я не нашла столь милого Державину слова «добротель». Ведь оно обнуляет и стало смешным много позже.

В дни Державина на нем еще лежал «крановый отсвет». Его, по собственному признанию, приняли из рук Державина Радичев и Рылеви.

Когда мы переедем из XVIII века в XIX, суность останется все та же. Я благодарю, например, П. Антокольскому за теплоту и умную статью о Леся Украинке — замечательном и мало у нас известном поэте.

И все же мне кажется, что не «чувство истории» проявилось главным образом не в «перосмыслении» истории и, особенно, легенды.

Я, все-таки, стою, например, за героиню средневековой легенды и романа — за Изольду Белокурою. Безымянные творца легенды о Тристане и Изольде пытали, на мой взгляд, совершенно здравое убеждение, что быть любимым хорошо, а быть нелюбимым плохо, что любящая и любима всегда, в жизни и смерти, будет ближе к герою, чем нелюбящая.

В поэме же Леся Украинки «Изольда Белокура» — «сумеречная, нелюбимая подруга душою торжествует, над «солнечной, любящей». Она более несчастна и потому ближе герою — ее право быть с ним если не в жизни, то в смерти. Но ведь все это лишь один из перосмыслений истинной легенды о Ливит — «суме-

ренной» жене библейского Адама, которой он предочил «солнечную» Еву. Легенда эта бытовала в русской и западной литературе начала века, чтобы потом, уже потеряв библейское обличье, плотно обосноваться в «еженской поэзии» предвосточных лет. Я говорю все это не в укор замечательному украинскому поэту. Но, по-моему, подвиг Леся Украинки так велик, что он не нуждается в библейских розах и лаврах. Ни черные годы реакции, ни болезнь не сломили ее.

Однако известное влияние символистских мотивов в некоторых ее драмах и поэмах, несомненно, ощущается. И мне кажется, что сущность ее творчества, конечно, отраженная и в исторической тематике, проще, глубже, более непосредственно связана с современностью.

В этой хрупкой женщине жила такая ненависть к царской реакции, такую боль родить и вынести только очень сильный дух. Отсутствие свободы, рабство — своего народа и свое — она ощущала, как вкус крови во рту, как металл, и железо под сердцем. Таких «металлических» и «железных» в руинах — и поэмы, как «Идеализм» и «Стихи» или «Стихи» — читаешь почти с чувством финифиной боли, хотя в них нет ничего «красивого». Леся Украинка по-мужски сурова в своем патриотизме и ненависти.

Как же обстоит дело в книге П. Антокольского с советскими поэтами, с нашими товарищами и современниками?

Статьи, посвященные советской поэзии, очень различны и по охвату материала и по методу. Общее достоинство этих статей, идет ли речь о Тихонове, Суркове, Первомайском, — это то, что в области поэзии и его лирического героя уловлены черты советского человека. — победителя в Великой Отечественной войне, уловлена та живая традиция, которая связывает советскую поэзию со всем наследием русской культуры — самой человеческой и национальной культуры в мире.

Иногда портрет художника написан автором исторически и монографически — статья говорит обо всем творческом пути поэта. Таковы статьи о Тихонове и о Багряком. Иногда, как в статье о Первомайском, автор прочитывает за нас лишь одну книгу. Иногда, как, например, в статье о Пастернаке, П. Антокольский, говоря как будто об одной книге, вместе с тем говорит о всех противоречиях творчества поэта. Но все же в большинстве статей сборника автор не дает всей сложности противоречий творческих путей поэта.

Какова бы ни была жизнь художника, творческая его биография всегда драматична. Даже если путь его прямой, как путь наших советских поэтов, — он все-таки долг и сложен. Поэт растет и мужает вместе со своим народом. И нередко, тотчас же найдя свое место в риде поколений, он не сразу может творчески осознать смысл тех исторических событий, в которых сам принимал участие.

заялся победителем! Он получил любовное признание от самой Оливии. Финифиной дворцкого лоснится от счастья, она увидела его истинные чувства, она предочла его принца. Дворецкий в своей его умом и красотой. Тщеславная гордость расцветает на наших глазах. Мы как бы лишемся торжественный акт — индюк распускает свой хвост и заспывает в величественной позе.

Сатирический облик своего героя Ильинский раскрывает с беспощадной силой — тщеславие души. Мальволио. Эта страсть до такой степени овладевает человеком, что он как бы теряет черты личности и становится воплощением отвлеченного понятия, автоматом, движимым одной злобой страстью себялюбия. Но этот автоматизм, верно передавая идейный замысел роли, все же обдает актера и лишает Мальволио той внутренней воздушности, без которой шекспировский характер не полноценен. Этот недостаток исполнения особенно ясно сказывается в значительной сцене чтения письма. В самый патетический момент роли, когда Мальволио трепещет и ликует, Ильинский с механической последовательностью продолжает монотонные прологи — с походом, с игом, с удочкой, с ногой и т. д. Сам по себе это сатирические выходы могут быть хороши, но они явно мешают актеру последовать ход внутренней жизни Мальволио, раскрыть буревало его чувства.

Ильинский играет тщеславие Мальволио, и только тщеславие. А ведь у Мальволио не только вскружились голова от гордости, вероятно, у него и забилось сердце от нежных чувств. И разве не самое смешное разглядеть, как любовь проникает в это механическое животное, как она открывает его надеждам, и как индейский петух в экстазе начинает размахивать крыльями, что взлетает в небесах, но Ильинский это ни парадоксально, но Мальволио тоже воздушности. Ему тоже умеет строить воздушные замки, правда, с обязательным условием, что должность дворцкого останется за ним.

Но в самую последнюю минуту Мальволио настало поражение — на берегу Иллирии он должен был столкнуться с юным Себастьяном, и тут бы Мальволио пал. Жизнь всегда победит догму.

Точно молодой ветер, ворвался на сцену Себастьян. Юный, красивый, смелый человек, он говорил, ходил, смеялся, сердился, дрался на дуэли — это был живой, энергичный, ладный юноша. И мы, зарывавшие его жизненной силой, любили себя на том, что не узнавали Т. Еремееву, которая только что была Виолой и витала в мире поэтических грез. Будто талант актрисы не смог больше стерпеть неволи, вырвался из поэтических пут и заговорил вольно и открыто, от всего сердца. И дело тут не в особом даровании Еремеевой, а в том, что актриса инстинктивно почувствовала истинную стихию шекспировской комедии, когда изобразила не жизнь в поэзии, а поэзия в жизни. И оттого ярко горят у актрисы глаза, румянцем донымают покрываются щеки, разговаривает у нее дыхание, если нужно сказать слова любви, и сжимаются кулаки, когда приходится лезть в драку.

Блаженный миг — мраморная Пнобелюжда. Действие равновесие в стремительном ритме. Люди одуревали на наших глазах: Оливия (Н. Арди) заговорила взволнованным, страстным голосом, Виола в отчаянии оставила свою любовь, шут бойко сыпал остроумиями и даже само изобретение герцога догнать и начало сердито браниться обычным человечес

СЛАВЯНСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Недавно в Институте этнографии Академии наук СССР состоялась встреча московских фольклористов с участниками юбилейной сессии Академии наук СССР. На встрече присутствовали члены-корреспонденты Академии наук И. Толстой, В. Чернышев, доктор исторических наук, проф. С. Толстой, проф. П. Богатырев, проф. П. Пажковский, докторанты, аспиранты, научные сотрудники, писатели. Руководитель фольклорной секции Института этнографии Академии наук СССР проф. П. Богатырев приветствовал гостей и кратко рассказал о работе московских фольклористов в годы Отечественной войны. В Москве за эти годы возникло два новых учреждения по изучению народной поэзии. Сейчас работа сосредоточена в шести различных организациях. Фольклорная секция Института этнографии — самая молодая организация (она создана в декабре 1943 г.) представляет собой центр научно-исследовательской работы советских фольклористов.

Одной из интереснейших и актуальных работ секции является собрание и изучение фольклора Отечественной войны. Летом 1944 г. под руководством В. Крупицкого, В. Чернышева и М. Костровой были организованы экспедиции в Сталинградскую, Воронежскую и Московскую области. Собран значительный исторический материал. Большую работу по собиранию фольклора Отечественной войны в Белоруссии ведет докторант Института этнографии И. Барат. В результате его поездок в отдаленные области Белорусской ССР фонды секции пополнились несколькими тысячами номеров песен и сказок белорусского народа. Среди этих материалов особое внимание заслуживают песни, повести и сказки, созданные партизанами в угнетенных в немецкую неволю.

Секция занимается проблемами взаимоотношения фольклора и литературы, в частности фольклорного творчества, изучением сказок, народного театра, славян, гениальности поэтических жанров.

Деятельность секции не ограничена в узко академические рамки. Члены творческого коллектива заняты также популяризацией фольклора. Они читают публичные лекции, консультируют театральные постановки и создание кинофильмов, рецензируют и редактируют рукописи, принимают участие в создании популярных изданий.

Профессор Пражского университета Г. Горак в своем ответном слове приветствовал советских ученых и рассказал, над чем работали и работают сейчас ученые Чехословакии и других славянских народов.

Семь лет, считая с 1936 г. до мая 1945 г., — говорит проф. Горак, — должны быть вычеркнуты из истории нашей науки. На за цензурных условий мы вынуждены были превратить ряд наших первоначальных изданий в обязательный порядок в каждой книге помещать передовой статью, в которой необходимо было доказывать преимущественное значение немецкой культуры перед культурами всех других народов. И мы предприняли всемерное прекращение издания. Мы выступили в печати, но работы не прекратили. Работали, потому что надеялись на лучшее время. Это лучшее время наступило, и у нас есть уже подготовленные труды, которые, будем надеяться, в недалеком будущем увидят свет. В числе таких работ новую том фольклоризованных песен, подготовленный покойным доктором Вавилкиным. Мною подготовлена к печати книга «Народные и морские сказки». Сборник сказок — большой современный каталог. В ближайшее время предполагается возобновить издание «Этнографического вестника». Совсем недавно вышла очень интересная работа доктора Черняховского. Книга представляет синтетический труд по народной кельматике.

Много сделано и много делается в области изучения народной культуры в Словакии. Словацкий институт издал словенские поговорки (сказки) и подготовил издание западно-славянских и юго-западных славянских поговорок. Проф. Вольман систематически собирал словенские и морские сказки, а проф. Тиле подготовил полное собрание и большое исследование о чешских сказках.

Центральным нашим учреждением является Институт исследования народной поэзии.

Мы думаем, — продолжает проф. Горак, — что сейчас имеется такое количество материалов, которое достаточно для изучения необходимости создания синтетических трудов.

С приветственным словом выступил ректор Братиславского университета г. Давид Рабат, который с глубоким удовлетворением говорил о работе советских ученых.

Мы завидуем вам потому, что у вас много сделано и еще потому, что среди вас много молодежи, принимающей активное участие в научно-исследовательской работе.

А. НЕЧАЕВ.

Е. ГРОШЕВА

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

К концу сезона, как это часто случается, накопилось много театральных новинок. В июне одна только Большая театр показала три премьеры — «Кармен», «Псковитянку» (на сцене филиала) и «Щелкунчик».

Если балет Чайковского в постановке В. Валянова москвичи смотрели еще в прошлом году, то к «Кармен» и «Псковитянке» театр вернулся после значительного перерыва. Оба спектакля свидетельствуют о серьезности стремлений театра, восстанавливающего в своем репертуаре лучшие произведения оперной классики. И хотя еще нельзя говорить о гармоничном единстве всех компонентов постановки, многое в этих спектаклях по-настоящему художественно ценно.

В «Кармен» привлекает великолепная сложность музыкального ансамбля. Может быть, можно спорить с дирижером (А. Мелик-Пашаев) в отношении несколько содержательного ощущения музыки Бизе, любования ее полифоническими узорами и колористическими деталями. Но нельзя не согласиться с тем, что его интерпретация убедительна, откровенно продуманна и изысканна во всем. Особенно радует, что дирижер не останавливается на одной лишь мелочах, но каждый раз творит заново, от спектакля к спектаклю углубляет нюансы, находя новые поэтические подробности.

А. Мелик-Пашаев владеет редкой выразительностью оркестровой кантилены, и в «Кармен» почти каждая фраза оркестра, даже тогда, когда она только аккомпанирует, пленяет своей напевностью и законченностью формы. Прекрасно звучат ансамбли, значительный и вокальный уровень спектакля. Музыкальные и вокальные поет Микаэлу Е. Шумская, как всегда безук-

Пленум ССП Азербайджана

В июне в Баку состоялся очередной пленум Союза советских писателей Азербайджана. С докладом об итогах пленума Союза советских писателей СССР и задачах азербайджанской литературы в период мирного развития выступил поэт Самед Вургун.

— Писатели СССР и вместе с ними писатели Азербайджана, — сказал Самед Вургун, — внесли значительный вклад в дело борьбы за победу над врагом. Труд азербайджанских писателей в военные годы получил высокую оценку. Однако это не дает права для самоуспокоения. Важнейшая задача нашей литературы послевоенных дней — увековечить герою нашей победы. Принцип социалистического реализма требует правдивого и глубокого раскрытия нашей действительности, показа героя нашего времени — воина, прошедшего путь от предгорий Кавказа до Берлина, рабочего, колхозника, интеллигента — героя тыла, воплощающего лучшие черты человека сталинской эпохи, сильного но бесприметными сентенциями, а своими действиями. Это должен быть не призрачный манекен, а живой человек со свойственными ему достоинствами и недостатками.

Докладчик указал на недостатки, имеющиеся в азербайджанской прозе и драматургии, где нередко повторяются темы и образы, не всегда умело выбираются и разрабатываются сюжет, не на должном литературном уровне язык произведений. Он особо остановился на состоянии поэзии и в частности, лирики, которая зачастую бывает беспредметна, безжизненна. Однообразие тем, эпитетов, рифм приводит к тому, что иногда трудно отличить стихи одного поэта от стихов другого.

В прениях по докладу выступили: Мирза Ибрагимов, Мехти Гусейн, Азиз Шариф, Сейит Рахим, Мамед Ариф, Мир Джагал, Сейит Халил, Мамед Джафар, Абрам Шахин, Микан Раа Кули-заде, Ильяс Фаришев, Азим-заде, Сеид-заде, Микан Рафили, Ахмед Джамиль, Мамед Рагим и Ашот Граши.

Участники прений много внимания уделили вопросу о создании образа героя нашего времени и проблеме развития детской литературы. Много говорилось на пленуме и об отставании критики.

В прениях отмечалось, что для развития азербайджанской литературы большое значение имеет хорошая организация переводов произведений азербайджанских писателей на русский язык и перевод произведений русских писателей на азербайджанский.

Действительный член Академии наук Азербайджанской ССР драматург Мирза Ибрагимов говорил о том, что поэзия страдает многообразием. Отсутствие в стихах живых, искренних человеческих чувств некоторые поэты пытаются подменить пространными словосочетаниями, выдаваемыми за философское мышление современно-

Несколько необычный характер носило очередное собрание секции рассказов. Авторы, руководя которых читались и обсуждались, — Б. Зубанин, И. Северцев, А. Кондратович — еще не вернулись из армии и не знают, что их произведения стали предметом серьезного обсуждения в Клубе ССП.

Бюро секции отобрало наиболее удачные рассказы из того огромного количества произведений, которые самоотемном поступали с фронта Красной Армии в наши редакции и издательства.

Б. Зубанин — наиболее «опытный» литератор из всех троих: в «Знамя» были напечатаны два его первых рассказа. И. Северцев — инженер, на фронте — сапер. А. Кондратович до войны учился в ИФЛИ.

Несмотря на разный характер произведений, различие писательской манеры и дарования, есть нечто общее у трех писателей-фронтовиков: они повсюду о высоком гуманизме советских людей — бойцов Красной Армии.

Рассказ В. Зубанина «Немец и мы» большинством выступавших был признан наименее удачным. В одну палату госпиталя попадают раненые советские бойцы и немец, убивший сестру одного из них. Но конфликт этот остался неразрешенным. Отдельные детали и зарисовки говорят, однако, о наблюдательности автора.

Своеобразны маленькие новеллы И. Северцева. Молодой писатель как бы рисует с натуры, он дает отдельные, часто не законченные картинки из жизни бойцов; в них нет еще обобщения, но они правдивы, точны.

Интересна тема рассказа А. Кондратовича «Человек родился». На фронте далекого Заполярья, в бурях и вьюгах, у медицинской сестры рождается ребенок. Автор показывает, как меняются суровые бойцы при известии о появлении на свет нового человека. Конец рассказа не удался Кондратовичу.

В прениях приняли участие: С. Юрин, Н. Шкляр, М. Сенталевиц, Н. Никандров, Н. Москвитин, О. Черный и др.

«Горький сегодня»

11 июля в Большом зале Всесоюзного радио театрально-художественно открывается ежегодная конференция «Горький сегодня». Вступительное слово Л. Леонова. На первом заседании будут заслушаны

доклады А. Груздева «Драматургия Горького и современность» и В. Десницкого «Горький и национальные традиции русской классической литературы».

Конференция продлится три дня.

ритм их движений — попорный, неторопливый, степенный. Поэтому, например, медленно и лениво гуляющие по площади пары (в первом акте) вступают в резкое противоречие с динамичной музыкой и репликой хора: «Странный народ! Куда спешит!»

Художник мало помог режиссеру, который не преодолел статичности, заложеной в декоративной концепции спектакля. Образы действующих лиц, массовые сцены трактованы картинно и уже поэтому недостаточно живы. Реалистические раскрытие характеров режиссер заменил пластической внешностью актеров, условной яркостью сценических положений. Огромный стол в таверне Лилас-Пастия служит, например, своего рода передостолом для красивых похитителей, от которых режиссер не в силах отказаться даже в самые напряженные моменты действия. Что же в этом общего с глубоким реализмом чувств и страстей «Кармен»?

В другой премьеры Большого театра — «Псковитянка» режиссер (Л. Баратов) почти каждый акт заканчивает застывшей живой картиной. Но сколько внутренней динамики и острой выразительности, например, в финальной массовой сцене псковского веча или в сцене везда Ивана Грозного в Псков! Эти моменты не только отвечают эстетическому духу оперы Римского-Корсакова, но в них ощущается также и глубокая связь с образами русской классической живописи, с историческими полотнами Сурикова и Репина.

Режиссера и художника (Ф. Федоровский) объединило стремление раскрыть в монументальных образах спектакля их внутреннюю напряженность и драматизм. Особенно высоко надо оценить работу Ф. Федоровского, добившегося огромной экспрессии сценического оформления, в то же время монументально-высокого. Достойным дополнением к этому послужил новый предпринятый полумрак, строгие очертания стен храма, озаренные красными отблесками лампы, взносившие

небо с устремленными вперед причудливыми облаками — тесно ассоциируются с тревожным гулом венецкого колокола, рождает предчувствие чего-то значительного и неминуемого. Много подлинного ощущения поэтической красоты русского пейзажа в декорациях первого акта, с лирической перспективой уходящей вальды реки. Великолепно по пышности убранства хоры Токмакова, в которых он принимает Грозного, и царский шатер в последнем акте — с его почти восточной роскошью. Глубоко и музыкально историческое бытие и русской природы сочетаются в творчестве Ф. Федоровского с ярким чувством театральности, большой поэтической фантазией. В этом — значительный успех спектакля, поставленного тщательным и любящим.

Хорош общий ансамбль исполнительских сил оперы. Выдающийся образ Грозного создает А. Пирогов, полчерпая благородство душевного мира, исполняющую силу чувств царя-отца. Отрадно было в партии Ольги вновь услышать Г. Жуковскую — певцу глубокого лирического обаяния. Коррктен в роли Туни Ф. Федотов, мягко и красиво поет Токмакова Н. Шегольков. Менее удовлетворяет исполнение пролога. Мало выразительна С. Павлова, еще не вполне овладевшая драматической декламацией партии Веры Шелогой. Недостаточно гибко голос А. Шенбаковой (Нелегла), слаб А. Яхонтов в роли боярина (Шелегла).

В дирижерской интерпретации партитуры оперы (дирижер С. Сахаров) хотелось бы более глубокого раскрытия лирической красоты музыкальных образов, большей широты русской напевности. Хотелось, чтобы оркестр звучал свободнее и в то же время не заглушал певцов, чтобы чудесный красочный колорит инструментовки Римского-Корсакова (особенно в «Вере Шелогой») был вытеснен.

Тогда «Псковитянка», несомненно, станет одним из лучших спектаклей Большого театра.

«ЛИТЕРАТУРНАЯ МОСКВА И ПОДМОСКОВЬЕ»

На выставке работ художника Б. Земенкова «Литературная Москва и Подмосковье», развернутой в клубе ССП, представлены архитектурные пейзажи Москвы и окрестностей, связанные с событиями в жизни русской литературы. Отдельные рисунки объединены тематически: «Москва времен «Войны и мира» (стоит входит изображения домов Левина Давыдова, Федора Толстого, дом Ростовых, описанный в «Войне и мире» и др.), «Чеховская Истра» (зарисовки истинского пейзажа, окрестностей Ново-Иерусалимского монастыря домов, где работал Чехов), «Литературное Подмосковье» (виды поместий, где жили или бывали многие русские писатели).

На выставке: ПЕРВОН ВОЗНЕСЕНИЯ (улица Казакова). Здесь Натана Ростова впервые появляется перед московским обществом после появления в похищения (справа) ЛЮБИМОВКА. Дата: Станиславского, на которой А. П. Чехов летом 1902 года начал писать «Вишневый сад» (слева). Фото Л. Сыркина.

«Мистецтво»

КИЕВ. (От наш. корр.). Недавно организованное государственное издательство «Мистецтво» («Искусство») готовит выпуск серии, включающей произведения украинской, русской и мировой драматургии.

В первую серию «Украинская драматургия» войдут пьесы И. Тобилевича (Карпенко-Карого) — «Наймичка», «Бесланная», «Хозяин», «Мартин Боруля», Л. Украинки — «Лесная песня», И. Франко — «Украденное счастье», М. Кропивницкого — «Дай сердцу волю», А. Корнейчука — «В степях Украины». В серию «Русская драматургия» войдут переведенные на украинский язык «Вишневый сад» А. Чехова, «Бесприданница», «Гроза» и «Лес» А. Островского, «На дне» М. Горького, «Свадьба Кречинского» Сухомо-Корыблина, К. сени «Мировая драматургия» подготовлены в переводе на украинский язык «Тартюф» Мольера, «Сирано де Бержерак» Ростана, «Свадьба Фигаро» Бомарше, «Соломенная шляпка» Ляубша, «Коварство и любовь» Шиллера.

В настоящее время украинские писатели готовят для издательства «Мистецтво» переводы пьес: «Собака на сене» Лопе де Вега, «Школа злословия» Шеридана, «Пигмалион» Шоу. Драматургия Шекспира будет издана в переводе на украинский язык в четырех томах.

Для художественной самодельности издательство выпускает сборник олонковических пьес. В сборник войдут «Медведь» А. Чехова, «Москаль-чародей» И. Котляревского, «Буака № 27» И. Франко, «Харитон третій» В. Сухомо-Корыблина.

В печати — «Чтец-декламатор», посвященный героям Отечественной войны. Издательство предполагает выпустить в 1946 году «Историю украинского театра» А. Гозенлуца, А. Борщевского, М. Иосипенко, «Историю украинской музыки» (работа кафедры украинской музыки при Киевской государственной консерватории), «Украинское народное искусство» Л. Калиниченко, «Очерки из истории украинской живописи» В. Дашкевича, монографию «Старинный театр на Украине и на Западе» А. Белецкого; готовится издание серии монографий о выдающихся украинских художниках, композиторах и артистах.

В редакционную коллегию издательства «Мистецтво» вошли академики А. Белый, П. Тычина, М. Рыльский, А. Корнейчук и М. Вайан. Над переводами драматургии русской классики работают Ю. Смолич, П. Панч, А. Ильченко, И. Сенченко, С. Скляренко, Ю. Мокрецов. Пьесы западноевропейских драматургов переводят на украинский язык М. Ральский, А. Гозенлуц, Е. Стариченко, А. Ильченко и др.

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО В. Г. САХОНСКОГО

В МХАТ СССР им. Горького приступила к работе комиссия по разбору и приему литературного наследия выдающегося режиссера Художественного театра, народно-артиста РСФСР В. Сахонского. В состав комиссии входят В. Влечкин (председатель), П. Марков, М. Григорьев и Е. Александро. В работе комиссии принимают участие научные сотрудники-архивисты Н. Игнатова и В. Лешанова.

В этом письме нам хочется сообщить вам, что с этого года мы отмечаем четвертое мая — исторический день возрождения новой китайской литературы — как день литературы и искусства. В этот день нами была организована Иностранная секция при Ассоциации китайских писателей для установления и укрепления связи с иностранными писателями. Мы надеемся, что вы не откажете в любезности оказать нам помощь в нашей дальнейшей работе.

Желаем вам новых успехов в вашей творческой работе.

По поручению Иностранной секции Ассоциации китайских писателей

Секретарь Го Бао-цзюань.

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

БУДУЩИЕ КНИГИ

Киргизская литература моложе Октябрья. Значители нашей литературы обычно работали почти во всех жанрах: эти условия нам поставила сама юность литературы, совсем недавно покинувшей колыбель устной импровизации. Только со временем каждый из нас приходил к тому жару в поэзии или прозе, в котором развивал свои способности.

Мы все явственнее отдаем себе отчет в том, что завоевание — это более сознательная литературная форма — еще далеко не закончилась у нас. В той же степени мы создаем, что наша проза, за которой стоит обширный жизненный материал, хотя у нас почти нет оригинальной детской литературы и то время, когда предпосылки к этой литературе — сказки, приключения, мифы, причудливых образов, — все же существуют в нашем сознании.

Я начинал работать как поэт и никогда не оставил эту область творчества, но вместе с тем стремился к прозе; она наиболее способна отразить большие перемены, внесенные в нашу жизнь войной. За минувшие годы, промышленность, переоборудованная на нашей киргизской земле, создала новую, вернее

Китайская литература сегодня

Беседа с китайским писателем Го Мо-жо

Поэт, прозаик, драматург, ученый, тонкий и образованный литературный критик. Го Мо-жо был одним из тех молодых писателей, которые возглавили в 1919 г. движение за демократизацию литературы, за литературу на живом разговорном языке «байхуа», понятном народу.

В 1941 г. исполнилось двадцать пять лет творчества Го Мо-жо — литератора и ученого. За это время он издал около 80 книг, не считая статей по различным вопросам науки и литературы. Знание нескольких западных языков дало возможность Го Мо-жо познакомиться с литературой Китая с европейскими классиками. Так, Китай обязан Го Мо-жо знакомством с «Войной и миром» Толстого; часть романа переведена им и им же написано предисловие к переводу.

Беседа с Го Мо-жо, мы прежде всего рады были услышать о той переводческой работе, которая ведется в Китае.

В Китае знают и любят Горького, Серафимовича, Шолохова, Фадеева. Горького переводили и переводят лучшие китайские писатели. «Железный поток» Серафимовича известен всем, кто следит за литературой. Книги Шолохова, Фадеева и других советских писателей переводились сразу же по выходе их в свет в Советском Союзе.

Советская литература настолько популярна в Китае, — говорит Го Мо-жо, — что книга В. Гроссмана «Народ бессмертен» переведена тремя различными переводчиками, один из них — знаменитый писатель Мао Дунь. Значительные переводы вышла пьеса К. Симонова «Русские люди», известна пьеса Корнейчука «Фронт».

Правда, к сожалению, говорит Го Мо-жо, кроме Го Бао-цзюаня, Цао Цзинь-ча и еще нескольких человек, переводчики русского языка не знают, и советские книги часто переводятся с английского. Но интерес к советской литературе так велик, что количество писателей, знающих русский язык, конечно, увеличится.

Китай ценит классиков русской литературы, он знает Горького, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова в переводе своих лучших писателей.

Китайские писатели считают образцом для себя, по словам Го Мо-жо, русскую классическую литературу и учатся работать у великих русских писателей. Влияние русской прозы на китайскую больше и сильнее, чем влияние поэзии. Скажем от себя, что это совершенно естественно, так как своеобразные иероглифическая письменность затрудняет перевод поэзии, и нынешняя китайская поэзия еще не преодолела в своем развитии того пути, какой уже пройден современной китайской прозой.

Го Мо-жо рассказывает о том, что в Яньани молодой поэт Тянь Цзинь пишет стихи, в которых ясно видно порождение Маяковского. Профессор Вэнь И-до называет Тянь Цзиня боевым барабаном — название летное, так как в древних времена барабан в Китае служил сигналом наступления.

В Чунцине успехом пользуются советские кинокартины и как одну из лучших Го Мо-жо называет «Радугу», сделанную по известной в Китае повести Ванды Васильевской.

Что пишут теперь китайские писатели, и какой жанр наиболее популярен в китайской литературе?

Прошло много времени с тех пор, как писатели непосредственно участвовали в войне, писали фронтовые очерки, постепенно переходя к рассказам. За последние два года появилось много исторических произведений. Писатели обращаются к

историческим сюжетам для того, чтобы изобразить современность. Это преимущественно драмы. За это время несколько писателей Го Мо-жо, и среди них следуют отметить Ли Сюэ-чун, составивший Илю Юаня, великого китайского поэта и государственного деятеля IV в. до нашей эры. пламенный патриотизм которого издавна почитается в Китае. Несколько исторических пьес написано драматургами Ян Хань-шюань, Оуян Юй-тянь и др.

Китайских писателей привлекает тема развала традиционных семейных устоев и рождения семьи. Семья символизирует китайское современное общество и те слои, которые в нем происходят. На эту тему написаны романы Мао Дунь, Лао Ша, Ба Цзинь. Некоторые романы переданы в письме, которые идут в китайских театрах.

Многие произведения посвящены жизни и борьбе в тылу, на оккупированной японцами территории.

Сам Го Мо-жо все эти годы работал с тем трудом, какое всегда отличало его. Недавно вышла из печати его работа о бронзовом веке и закончен исследование о древних идеологиях, составившие отдельную книгу, в которой ученый прослеживает развитие идеологии в Китае от рабовладельческого до феодального общества. За это же время Го Мо-жо написал ряд рассказов и стихотворений в прозе — жарче, получаемое все большее распространение в китайской литературе.

Беседа с нами Го Мо-жо закончил теплыми словами, обращенными к Советскому Союзу.

— Китайский народ, сказал он, с уважением и восхищением смотрит на героический советский народ. Китайские писатели считают себя обязанными советским писателям. Реализм, глубокое и тонкое изображение действительности, правдивость, которой всегда отличалась русская литература, служат тем образцом, которому всегда будет следовать китайская литература, и китайские писатели благодарны русской классической и современной литературе. Китайские писатели надеются, что в ближайшее время они смогут отблагодарить советскую литературу большими и достойными ее произведениями. Это не комплимент, добавил Го Мо-жо, а искреннее признание достоинств советской литературы.

Л. ЭЙДЛИН.

Письмо из Китая

Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР получила письмо Иностранной секции Ассоциации китайских писателей, находящейся в Чунцине:

«Мы, китайские писатели, очень радуемся и гордимся тем, что вы, советские писатели, уже показали всему миру небывалый пример мужества и преданности родине в нашей Отечественной войне. Вы не только отдавали все свои силы искусству, но некоторые из вас отдали свою жизнь в борьбе за свою родину. Вы в то же время создали блестящую литературу, и это не случайно, что новые произведения ваших писателей об Отечественной войне пользуются большим успехом в нашей стране.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИНСТИТУТ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ

НА ОЧНОЕ И ЗАОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЯ

Институт имеет своей задачей дать высшее литературно-филологическое образование начинающим писателям

Срок обучения 5 лет.

При заявлении необходимо представить:

1. Свидетельство об окончании полной средней школы (аттестат).

2. Автобиографию.

3. Три фотографии.

4. Творческие труды (печатные и рукописные).

Ингородине обеспечиваются общежитием в ограниченном размере.